III. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Информация для цитирования:

Шевелева С. В., Можайкина В. А. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 54. С. 722–753. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-722-753.

Sheveleva S. V., Mozhaikina V. A. Printsip neotvratimosti nakazaniya v ugolovno-ispolnitel'nom prave: ot deklarirovaniya k vozmozhnosti realizatsii [The Principle of the Inevitability of Punishment in Penal Enforcement Law: from Declaration to the Possibility of Implementation]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 54. Pp. 722–753. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-722-753.

УДК 340.115.4; 340.115.5; 342.72/.73; 340.131.5

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-722-753

**ПРИНЦИП НЕОТВРАТИМОСТИ НАКАЗАНИЯ
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ:
ОТ ДЕКЛАРИРОВАНИЯ К ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ**

Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020г. № 085102020-0033
«Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства»

С. В. Шевелева

Юго-Западный государственный университет

E-mail: decan46@yandex.ru

В. А. Можайкина

Юго-Западный государственный университет

E-mail: mogaykina@rambler.ru

Поступила в редакцию 02.07.2021

Введение: статья посвящена вопросу достижимости доктринального принципа неотвратимости наказания в уголовно-исполнительных правоотношениях. **Цель:** определить, как указанный принцип, имеющий междисциплинарный характер, реализуется при исполнении уголовных наказаний, и предложить механизмы его реализации. **Методы:** описание, наблюдение, статистический анализ, документальный анализ, индукция, аналогия, мысленный эксперимент. **Результаты:** выявлено, что при существующей системе мер негативного и позитивного влияния на поведение осужденных достижение действия принципа неотвратимости наказания практически невозможно при отбывании наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Реализация указанного принципа при исполнении наказаний, связанных с изоляцией от общества, имеет не правовую, а организационную природу. **Выводы:** невозможность исполнить наказание в прямом соответствии требованиям закона ведет к утрате предупредительной значимости наказания. Назначенное наказание, не связанное с изоляцией от общества, осужденные не стремятся выполнять, как того требует приговор суда. Напротив, при отбывании наказания, связанного с изоляцией от общества, условия применения наиболее существенных для осужденного поощрительных мер, таких как замена неотбытой части наказания и условно-досрочное освобождение, не ясны. Проанализированная практика свидетельствует о том, что даже при выполнении всех требований закона ходатайства осужденных остаются без удовлетворения, а суды ссылаются на то, что цели наказания еще не достигнуты. В настоящее время в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве отсутствуют эффек-

III. CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Information for citation:

Sheveleva S. V., Mozhaikina V. A. Printsip neotvratimosti nakazaniya v ugolovno-ispolnitel'nom prave: ot deklarirovaniya k vozmozhnosti realizatsii [The Principle of the Inevitability of Punishment in Penal Enforcement Law: from Declaration to the Possibility of Implementation]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 54. Pp. 722–753. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-722-753.

Шевелева С. В., Можайкина В. А. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 54. С. 722–753. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-722-753.

UDC 340.115.4; 340.115.5; 342.72/.73; 340.131.5

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-722-753

**THE PRINCIPLE OF THE INEVITABILITY OF PUNISHMENT
IN PENAL ENFORCEMENT LAW:
FROM DECLARATION TO THE POSSIBILITY OF IMPLEMENTATION**

The paper was prepared as part of a state assignment for 2020, No. 085102020-0033
‘Transformation of private and public law in the context of the evolution of the individual, society and state’

S. V. Sheveleva

Southwest State University

E-mail: decan46@yandex.ru

V. A. Mozhaikina

Southwest State University

E-mail: mogaykina@rambler.ru

Received 02.07.2021

Introduction: the paper deals with the doctrinal principle of the inevitability of punishment and focuses on the possibility of implementing it in legal relations under penal enforcement law. The **purpose** of the paper is to identify how this interdisciplinary principle is respected in the enforcement of criminal sentences, and to propose mechanisms for its implementation. The study employs such **methods** as description, observation, statistical analysis, documentary analysis, induction, analogy, and thought experiment. **Results:** the paper reveals the fact that within the existing system of measures of negative and positive impact on the behavior of convicted persons, it is practically impossible to ensure the principle of the inevitability of punishment being implemented when it comes to sentences that are not related to isolation from society. Implementation of this principle in the execution of punishments related to isolation from society is not of legal but of organizational nature. **Conclusions:** the inability to execute a punishment in strict accordance with the requirements of the law leads to the loss of the deterrent value of punishment. When punishment is not related to isolation from society, convicts do not seek to serve the imposed punishment in strict accordance with the court verdict. As to the cases of serving a sentence related to isolation from society, there is a problem of unclear conditions for taking the most significant incentive measures in relation to a convicted person, such as substitution of the unserved part of the sentence and parole. The analyzed practice convincingly indicates that even if all the requirements of the law are fulfilled, petitions of convicts remain unsatisfied, while the courts refer to the fact that the goals of the punishment have not yet been achieved. Currently, in

тивные регуляторы как позитивного, так и негативного свойства, нацеленные на качественное и неукоснительное исполнение назначенного судом наказания.

Ключевые слова: уголовно-исполнительные правоотношения; наказание; принцип неотвратимости наказания; исправление осужденных; меры поощрения; меры взыскания; злостное уклонение от отбывания наказания; условно-досрочное освобождение

THE PRINCIPLE OF THE INEVITABILITY OF PUNISHMENT IN PENAL ENFORCEMENT LAW: FROM DECLARATION TO THE POSSIBILITY OF IMPLEMENTATION

The paper was prepared as part of a state assignment for 2020, No. 085102020-0033
'Transformation of private and public law in the context of the evolution of the individual, society and state'

S. V. Sheveleva

Southwest State University
E-mail: decan46@yandex.ru

V. A. Mozhaikina

Southwest State University
E-mail: mogaykina@rambler.ru

Received 02.07.2021

Introduction: the paper deals with the doctrinal principle of the inevitability of punishment and focuses on the possibility of implementing it in legal relations under penal enforcement law. The **purpose** of the paper is to identify how this interdisciplinary principle is respected in the enforcement of criminal sentences, and to propose mechanisms for its implementation. The study employs such **methods** as description, observation, statistical analysis, documentary analysis, induction, analogy, and thought experiment. **Results:** the paper reveals the fact that within the existing system of measures of negative and positive impact on the behavior of convicted persons, it is practically impossible to ensure the principle of the inevitability of punishment being implemented when it comes to sentences that are not related to isolation from society. Implementation of this principle in the execution of punishments related to isolation from society is not of legal but of organizational nature. **Conclusions:** the inability to execute a punishment in strict accordance with the requirements of the law leads to the loss of the deterrent value of punishment. When punishment is not related to isolation from society, convicts do not seek to serve the imposed punishment in strict accordance with the court verdict. As to the cases of serving a sentence related to isolation from society, there is a problem of unclear conditions for taking the most significant incentive measures in relation to a convicted person, such as substitution of the unserved part of the sentence and parole. The analyzed practice convincingly indicates that even if all the requirements of the law are fulfilled, petitions of convicts remain unsatisfied, while the courts refer to the fact that the goals of the punishment have not yet been achieved. Currently, in criminal and penal enforcement legislation there exist neither positive nor negative effective regulators aimed at facilitating strict and proper execution of the punishment imposed by the court.

Keywords: legal relations under penal enforcement law; punishment; principle of the inevitability of punishment; correction of convicts; incentive measures; penalties; malicious evasion from serving a sentence; parole

Введение

Доктринальному принципу неотвратимости наказания, имеющему межотраслевой характер, в большей части посвящены уголовно-правовые и уголовно-процессуальные исследования. Применительно к уголовно-исполнительному праву данный принцип интерпрети-

руется следующим образом: *каждое назначенное судом наказание должно быть надлежащим образом исполнено*. В настоящее время в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве отсутствуют эффективные регуляторы как позитивного, так и негативного свойства, нацеленные на качественное и неукосни-

criminal and penal enforcement legislation there exist neither positive nor negative effective regulators aimed at facilitating strict and proper execution of the punishment imposed by the court.

Keywords: legal relations under penal enforcement law; punishment; principle of the inevitability of punishment; correction of convicts; incentive measures; penalties; malicious evasion from serving a sentence; parole

Information in Russian

ПРИНЦИП НЕОТВРАТИМОСТИ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ: ОТ ДЕКЛАРИРОВАНИЯ К ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020г. № 085102020-0033
«Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства»

С. В. Шевелева

Юго-Западный государственный университет
E-mail: decan46@yandex.ru

В. А. Можайкина

Юго-Западный государственный университет
E-mail: mogaykina@rambler.ru

Поступила в редакцию 02.07.2021

Введение: статья посвящена вопросу достижимости доктринального принципа неотвратимости наказания в уголовно-исполнительных правоотношениях. **Цель:** определить, как указанный принцип, имеющий междисциплинарный характер, реализуется при исполнении уголовных наказаний, и предложить механизмы его реализации. **Методы:** описание, наблюдение, статистический анализ, документальный анализ, индукция, аналогия, мысленный эксперимент. **Результаты:** выявлено, что при существующей системе мер негативного и позитивного влияния на поведение осужденных достижение действия принципа неотвратимости наказания практически невозможно при отбывании наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Реализация указанного принципа при исполнении наказаний, связанных с изоляцией от общества, имеет не правовую, а организационную природу. **Выводы:** невозможность исполнить наказание в прямом соответствии требованиям закона ведет к утрате предупредительной значимости наказания. Назначенное наказание, не связанное с изоляцией от общества, осужденные не стремятся выполнять, как того требует приговор суда. Напротив, при отбывании наказания, связанного с изоляцией от общества, условия применения наиболее существенных для осужденного поощрительных мер, таких как замена неотбытой части наказания и условно-досрочное освобождение, не ясны. Проанализированная практика свидетельствует о том, что даже при выполнении всех требований закона ходатайства осужденных остаются без удовлетворения, а суды ссылаются на то, что цели наказания еще не достигнуты. В настоящее время в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве отсутствуют эффективные регуляторы как позитивного, так и негативного свойства, нацеленные на качественное и неукоснительное исполнение назначенного судом наказания.

Ключевые слова: уголовно-исполнительные правоотношения; наказание; принцип неотвратимости наказания; исправление осужденных; меры поощрения; меры взыскания; злостное уклонение от отбывания наказания; условно-досрочное освобождение

Introduction

The doctrinal principle of the inevitability of punishment, which is interdisciplinary in nature, is mainly dealt with in criminal law and criminal procedure research. With regard to penal en-

forcement law, this principle is interpreted as follows: *every punishment imposed by the court must be duly executed*. Currently, there are neither positive nor negative effective regulators aimed at proper and strict execution of punishment

тельное исполнение назначенного судом наказания. В частности, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство лишь фрагментарно предусматривает меры поощрительного характера относительно всех без исключения наказаний. Наиболее эффективная мера – условно-досрочное освобождение предусмотрена в отношении только отдельных видов наказаний, а практика ее применения носит типичные черты регионального толкования ее правильности и своевременности.

Что касается реакции учреждений ФСИН (или ФССП) на негативное поведение осужденного, то на первый взгляд наиболее эффективным способом воздействия на уклоняющихся от отбывания наказания является возможность замены на более строгое, что, однако, при ближайшем рассмотрении вызывает недоумение: например, как можно заменить многомиллионный штраф на более «строгое» наказание в виде обязательных или исправительных работ?! Замена обязательных или исправительных работ на более строгое наказание выгоднее осужденному, так как позволяет сократить трудозатраты и время на отбытие наказания. При ограничении свободы необходимо наличие трех предупреждений, чтобы осужденного признать злостно уклоняющимся, не регламентирован механизм использования электронных браслетов, остается дискуссионным вопрос о самостоятельной ответственности в рамках статьи 314 УК РФ за уклонение от отбывания срока в виде ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания. В случае принудительных работ понятие «злостно уклоняющийся» отсутствует, определены понятия «простое» уклонение от отбывания наказания и «злостный нарушитель порядка отбывания». Это только часть проблем, которые не позволяют говорить о достижимости принципа неотвратимости наказания.

На первый взгляд заявленная тема исследования несет в себе существенные теоретические предпосылки, однако речь пойдет о сугубо прикладных вопросах, связанных с качественным и неукоснительным исполнением уголовных наказаний. Определение проблем и путей их преодоления, полагаем, может оптимизировать процесс реализации принципа-идеала «неотвратимость наказания» на практике.

Обзор литературы

Как известно, принципы представляют собой определенный идеал развития событий в реальности. Это некие «генеральные идеи», отражающие «дух» и направленность правового регулирования [8], обладающие универсальностью, императивностью и общезначимостью [51, с. 11].

Принципы чаще всего делятся на общие, межотраслевые и отраслевые. Также имеет место деление принципов на общесоциальные и специально-юридические [51, с. 153], нормативные и доктринальные [36]. В статье 8 УИК определены следующие принципы: принцип законности, гуманизма, демократизма, равенства перед законом (общеправовые), дифференциации, индивидуализации исполнения наказаний (межотраслевые), принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных, принцип стимулирования правопослушного поведения осужденных, принцип соединения наказания с исправительным воздействием (отраслевые).

Помимо нормативно закрепленных принципов в доктринальных источниках называются иные: принцип сочетания стимулирования и ограничений [5], принцип убеждения и принуждения, исправимости каждого преступника [28, с. 23], принцип развития полезной инициативы и самостоятельности осужденных [38, с. 43], принцип стимулирования правомерного поведения осужденных, принцип закрепления результатов исполнения уголовных наказаний [36; 37, с. 7], принцип патриотизма [10] и др. Принцип неотвратимости наказания также относится к доктринальным. По мнению ряда авторов, он «поглощается принципом законности» [36]; говорят также о принципе неотвратимости ответственности и принципе гарантированности поощрения [34, с. 54].

Учитывая, что УИК только содержит перечень принципов уголовно-исполнительного права, можно согласиться с мнением Н. А. Поветкиной: «...законодатель довольно “спокойно” относится к качественному наполнению содержания принципов, в результате чего их роль и значение “обнуляются”» [30, с. 56].

В зарубежной литературе категория наказания редко рассматривается через призму принципов [54]. Как правило, направление исследований выстроено в контексте соотношения: либо

imposed by the court in criminal and penal enforcement legislation. In particular, criminal legislation and penal enforcement legislation contain fragmentary incentive measures in relation to all punishments without exception; in some cases, there are no incentive measures at all. Parole as the most effective measure is provided for only certain types of punishment; the practice of its application is typical of a regional understanding of correctness and timeliness of its application.

Speaking of the reaction of such institutions as the Russian Federal Penitentiary Service (Russian: FSIN) or Federal Bailiffs Service (Russian: FSSP) to the negative behavior of a convict, the most effective way of influencing those who evade serving a sentence is the possibility of substituting the punishment for a more severe one; however, upon closer examination, such a substitution turns into a ‘mockery’. For example, how can a multi-million monetary fine be replaced with a more ‘severe’ punishment such as compulsory community service or correctional labor?! Replacement of compulsory works or corrective labor with a more severe punishment is more beneficial to convicts since it allows them to reduce labor contribution and the duration of serving a sentence. When a person’s freedom is restricted, three warnings are required in order to deem the convict to be maliciously evading serving the punishment; the mechanism for using electronic bracelets is not regulated; still under discussion is the question about independent liability under Article 314 of the Criminal Code of the Russian Federation for evasion of serving a sentence in the form of deprivation of freedom imposed as an additional punishment. With regard to punishment in the form of compulsory works, the term ‘maliciously evading’ is not used; instead, the concept of ‘simple’ evasion of serving a sentence and ‘a malicious violator of the order of serving’ are defined. These are just a share of the problems that do not allow us to speak about the possibility of ensuring the principle of inevitability of punishment.

At first glance, the stated research topic is fertile ground for theoretical considerations, but we will focus on purely applied issues related to the proper and rigorous execution of criminal punishments. In our opinion, identification of the problems and ways to overcome them can result in actual implementation of the ideal principle of the ‘inevitability of punishment’.

Literature Review

Principles are known to represent a certain ideal of the progression of events in reality. They are some ‘general ideas’ reflecting the ‘spirit’ and trends of legal regulation [8]; they are universal, imperative, and generally valid [51, p. 11].

Principles are most often divided into general, interdisciplinary, and discipline-specific. There is also a division of principles into general social and specific-legal ones [51, p. 153], normative and doctrinal [36]. Article 8 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the RF PEC) specifies the general legal principles of legality, humanism, democracy, equality before the law; the interdisciplinary principles of differentiation, individualization of the execution of punishment; the discipline-specific principles of the rational use of coercive measures, means of correctional rehabilitation, stimulating law-abiding behavior of convicts, combining punishment with corrective treatment.

In addition to the statutory principles, doctrinal sources also propose the principle of combining incentives and restrictions [5]; the principle of persuasion and coercion, the treatability of each criminal [28, p. 23]; the principle of developing useful initiative and self-initiated activity of convicts [38, p. 43]; the principle of stimulating law-abiding behavior of convicts, the principle of consolidating the results of criminal sentences execution [36, 37, p. 7]; the principle of patriotism [10], etc. The principle of inevitability of punishment is also referred to doctrinal ones. Some authors believe that it is ‘absorbed by the principle of legality’ [36]; others specify the principle of inevitability of responsibility and the principle of guaranteed incentives [34, p. 54].

Taking into account the fact that the RF PEC only lists the principles of penal-enforcement law, we share the opinion of N. A. Povetkina that the legislator is quite calm about the qualitative content of the principles and, as a result, their role and meaning are nullified [30, p. 56].

In foreign literature, punishment is rarely viewed through the prism of principles [54]. Research is mainly built around the interpretation of

наказание как общественное благо [52; 58; 59], либо как однозначное зло [53; 55; 61; 63]. Существенное внимание уделяется институту т. н. «тюремных» наказаний и их эффективности в отношении определенных групп осужденных [60; 62; 64, p. 1997; 67, p. 173; 68, p. 1267].

Принцип неотвратимости наказания в смежных отраслях

В уголовно-процессуальной доктрине принцип неотвратимости наказания в общем виде сформулирован следующим образом: «Ни одно преступление не должно оставаться нераскрытым, и ни одно лицо, совершившее преступление, не должно избежать уголовной ответственности» [43, с. 341], юридически закреплён в приказе Генпрокуратуры России¹.

В уголовном праве данный принцип первоначально был сформулирован Ч. Беккария, который считал, что не жестокость, а неизбежность наказания является наиболее эффективным способом предупреждения преступлений [2, с. 117]. В советский период отдельные авторы подвергли коррекции данный принцип, смещая акцент в сторону неотвратимости ответственности [7, с. 89–90; 17, с. 128–129]. Суть сводилась к тому, что виновное лицо не всегда может приговариваться к наказанию, в некоторых случаях избираются иные меры уголовно-правового характера либо лицо вообще освобождается от наказания. На современном этапе в уголовно-правовой доктрине данная трактовка не потеряла своей актуальности [35, с. 261].

Своеобразно данный принцип оценивает В. И. Цуриков: принцип неотвратимости наказания соответствует принципу «преступление не окупается», иными словами, чем больше величина похищенного, тем выше должна быть вероятность раскрытия преступления и строже наказание. Используя в своем анализе экономический подход, автор приходит к закономерному выводу: «абсолютная неотвратимость наказания при достаточной его строгости могла бы заставить почти всех, в том числе склонных к риску индивидов, отказаться от совершения преступлений» [46]. Цена вопроса здесь – объем (раз-

мер) расходов, которые несет государство в борьбе с преступностью. Поэтому государству выгоднее прибегать к более строгому наказанию, нежели каждого преступника привлекать к ответственности, так как расходы на следствие и суд будут значительно ниже, а мера ожидаемого наказания останется неизменной. В результате складывается стереотип безнаказанности преступников, поскольку «низкое значение вероятности наказания преступника проявляется на практике как избирательное действие закона и воспринимается широкими слоями населения как проявление несправедливости» [46]. Вот почему ставшая крылатой фраза М. Салтыкова-Щедрина «суровость российских законов смягчается необязательностью их исполнения» не теряет своей актуальности.

Отрицать существование данного принципа в уголовном праве (как это имеет место в отдельных публикациях [12, с. 140; 35, с. 261]) нельзя уже хотя бы потому, что законодательство о противодействии терроризму и экстремизму нормативно закрепляет «неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности» (п. 4 ст. 2 ФЗ «О противодействии терроризму») и «неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности» (ст. 2 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»). Примечательно, что, комментируя данный принцип в указанных федеральных законах, авторы отмечают его связь с принципом законности либо принципом вины [13, с. 227; 24].

Перманентная полемика вокруг толкования указанного принципа в уголовно-правовой доктрине, на наш взгляд, подтверждает тот факт, что в уголовно-исполнительном законодательстве данный принцип звучит именно как принцип неотвратимости **наказания**, так как «задачами уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации являются регулирование порядка и условий исполнения и отбывания **наказаний**...» (ч. 2 ст. 1 УИК). Применительно к уголовно-исполнительному праву данный принцип интерпретируется следующим образом: **каждое назначенное судом наказание должно быть надлежащим образом исполнено**.

Итак, принцип неотвратимости наказания, имеющий межотраслевой характер, не получил своего законодательного воплощения ни в УК, ни УПК, ни в УИК, поэтому отдельные исследователи именуют его как «принцип-идеал» [47, с. 13].

punishment as a public good [52; 58; 59] or as an unambiguous evil [53; 55; 61; 63]. Considerable attention is paid to the so-called ‘prison’ punishments and the effectiveness of such punishments in relation to certain groups of convicts [60; 62; 64, p. 1997; 67, p. 173; 68, p. 1267].

The Principle of the Inevitability of Punishment in Related Branches of Law

In criminal procedure doctrine, the principle of the inevitability of punishment is generally formulated as follows: not a single crime should remain unsolved and no person who committed a crime should avoid criminal liability [43, p. 341]; it is legally embodied in the Order of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation¹.

In criminal law, this principle originates from the ideas of C. Beccaria who argued that not cruelty but the inevitability of punishment is the most effective way to prevent crimes [2, p. 117]. In the Soviet period, some authors denied the existence of this principle, shifting the emphasis on the idea of the inevitability of responsibility [7, pp 89–90; 17, pp. 128–129]. The essence of the idea was reduced to the fact that a guilty person may not always be sentenced to a punishment, in some cases some other measures under criminal law are applied, or the person may be completely released from punishment. These days this interpretation has not lost its relevance in the criminal law doctrine [35, p. 261].

V. I. Tsurikov assessed this principle in a rather unconventional way. According to the author, the principle of the inevitability of punishment corresponds to the principle of ‘crime does not pay’, in other words, the larger the value of the stolen, the higher the probability of solving the crime, and the stricter the punishment should be. As a result of applying economic formulas, the author comes to a completely justified conclusion: the absolute inevitability of punishment, when it is rather severe, could force almost everyone, including individuals inclined to risk, to refuse to commit crimes [46]. The question is the costs incurred by the state in the fight against crime. Therefore, the state can

benefit more establishing stricter punishments than bringing every criminal to justice, since expenses for investigations and court costs will be significantly lower, and the expected punishment will remain unchanged. As a result, there is a stereotype of impunity for criminals because the low value of the probability of punishment of a criminal is manifested in practice as a selective action of the law and is perceived by a society in general as a manifestation of injustice [46]. That is why today still relevant is the aphorism of the 19th-century Russian satirist Mikhail Saltykov-Shchedrin: ‘the severity of Russian laws is alleviated by the lack of obligation to fulfil them’.

It is impossible to absolutely deny the existence of this principle in criminal law (as is the case in some works [12, p. 140; 35, p. 261]) if for no other reason than because legislation on countering terrorism and extremism explicitly establishes ‘the inevitability of punishment for conducting terrorist activities’ (Clause 4 of Article 2 of the Federal Law ‘On Counteracting Terrorism’) and ‘the inevitability of punishment for carrying out extremist activities’ (Article 2 of the Federal Law ‘On Combating Extremist Activity’). It is noteworthy that, commenting on this principle as presented in these federal laws, the authors point to its connection with the principle of legality or the principle of guilt [13, p. 227; 24].

The permanent controversy concerning understanding of this principle in the criminal law doctrine, in our opinion, confirms the fact that in the penal enforcement legislation this principle is understood exactly like the principle of the inevitability of **punishment** since the objectives of the penal enforcement legislation of the Russian Federation are to regulate the procedure and conditions for the execution and serving of sentences (part 2 of Article 1 of the RF PEC). With regard to penal enforcement legislation, this principle is interpreted as follows: **every punishment imposed by the court must be duly executed**.

Thus, the principle of the inevitability of punishment, being of interdisciplinary nature, has been statutorily enshrined neither in the Criminal Code and the Criminal Procedure Code nor in the Penal Enforcement Code, which is why some experts refer to it as an ‘ideal principle’ [47, p. 13].

¹ См.: *Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации*: приказ Генпрокуратуры России от 17 марта 2010 г. № 114 (ред. от 16.09.2020). П. 5.5.1 // Законность. 2010. № 6.

¹ See: Clause 5.5.1 of the Order of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation No. 114 of March 17, 2010 ‘On Approval and Enactment of the Code of Ethics of Prosecutorial Officials of the Russian Federation and the Concept of Educational Work in the System of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation’ (as amended on 16.09.2020). *Zakonost’*. 2010. No. 6.

Понятие принципа неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве

Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве, на наш взгляд, представляет собой в определенной мере интерпретацию нормативно закрепленного принципа рационального применения мер принуждения, средств исправления. Рассматриваемый принцип реализуется через применение поощрительных и принудительных мер для надлежащего и неукоснительного исполнения назначенного наказания в том объеме, в котором оно определено в приговоре. Авторы комментария к УИК дают сходное разъяснение: «Принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения заключается в установлении таких видов мер принуждения и средств исправления в таком их объеме, который будет необходимым и достаточным для достижения целей наказания. В этой связи уголовно-исполнительный закон устанавливает определенные меры взыскания и поощрения, предусматривает возможность изменения правового положения осужденных как в лучшую, так и в худшую сторону, тем самым показывая осужденному невыгодность антисоциального поведения и стимулируя правопослушное поведение. Последнее связывается с предоставлением различных льгот, расширением объема прав. Закон исключает возможность как чрезмерного принуждения осужденных, так и необоснованного поощрения, а также применения средств исправления без необходимости» [4]. Примечательно, что авторы других комментариев УИК разделяют принцип рационального применения и принцип стимулирования правопослушного поведения [23]. При этом первый принцип подразумевает соразмерность репрессивного потенциала, а второй – поощрительный механизм. Следует поддержать ученых, считающих что нужно исходить из принципа рационального применения мер принуждения, средств исправления и принципа стимулирования правопослушного поведения.

Тем не менее даже те лица, которые были признаны виновными в совершении преступле-

ния с назначением наказания, в ряде случаев не подвергаются в полной мере репрессивному воздействию уголовно-правового свойства. Наиболее ярко это проявляется, когда отбывание наказаний не связано с изоляцией от общества. В итоге «дорогостоящая» работа государства по поимке преступника «обесценивается» из-за отсутствия эффективных регуляторов, направленных на неукоснительное исполнение наказания. С другой стороны, лица, ставшие на путь исправления, в ряде случаев не могут быть поощрены за свое позитивное поведение ввиду отсутствия соответствующих мер. Для подтверждения сказанного обратимся к анализу всех видов реально применяемых срочных наказаний¹.

Штраф

Штраф может исчисляться тремя способами: фиксированной суммой (от 5 тыс. до 1 млн руб.); в размере заработной платы или иного дохода (от 2 недель до 5 лет); кратно сумме взятки, подкупа, денежных инструментов при контрабанде (ч. 2 ст. 46 УК). В течение 60 дней с момента вступления приговора в законную силу осужденный обязан заплатить всю сумму штрафа, если в отношении него не принято решение о рассрочке выплаты (табл. 1).

Если в течение данного срока осужденный не заплатил всю сумму, он признается злостно уклоняющимся и штраф заменяется на иной вид наказания, кроме лишения свободы. Исключения составляют отдельные случаи назначенного «кратного» штрафа, когда он может быть заменен в том числе и на лишение свободы. Как показывают данные официальной статистики, правовая категория неотвратимости исполнения данного вида наказания требует предметной разработки.

Более 70 % сумм штрафов ежегодно остаются невзысканными, что не может не требовать от законодателя поиска новых механизмов обеспечения неукоснительного исполнения наказания.

¹ Речь не пойдет об аресте и смертной казни ввиду их неприменения, а также о наказании в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, так как возможности уклониться от его отбывания у осужденного нет, а доказать исправление нет необходимости, поскольку наказание бессрочно.

The Concept of the Principle of the Inevitability of Punishment in Penal Enforcement Law

The principle of the inevitability of punishment in penal enforcement law, in our opinion, is, to a certain extent, an interpretation of the statutory enshrined principle of the rational use of coercive measures and means of correction. This phrase needs to be clarified. The principle under consideration is implemented through the use of incentive and coercive measures for the proper and unconditional execution of the assigned punishment to the extent defined in the sentence. The authors of the commentaries on the RF PEC provide a similar explanation: 'The principle of the rational use of coercive measures, means of correcting convicts and stimulating their law-abiding behavior means establishing such types of coercive measures and means of correction in such a range that will be necessary and sufficient to achieve the goals of punishment. In this regard, penal enforcement law establishes certain sanctions and rewards; provides for the possibility of changing the legal status of convicts both for the better and for the worse, thereby showing the convict disadvantages of antisocial behavior and stimulating law-abiding behavior. The latter is associated with the provision of various benefits, the expansion of the scope of rights. The law excludes the possibility of both excessive coercion of convicts and unreasonable rewarding as well as the use of means of correction unless necessary' [4]. It is noteworthy that the authors of other commentaries on the RF PEC distinguish between the principle of the rational use and the principle of stimulating law-abiding behavior [23]: the former involves proportionality in repressive actions, while the latter involves the incentive mechanism. We share the opinion of the scholars who adhere to the principle of the rational use of coercive measures, means of correcting convicts and the principle of stimulating law-abiding behavior.

Nevertheless, even those persons who were found guilty of committing a crime with the imposition of punishment in a number of cases do not experience the impact of repressive measures of

criminal law to the fullest extent. This is most clearly manifested in cases of serving sentences that are not related to isolation from society. As a result, it turns out that the 'expensive' work of the state to catch the criminal is 'devalued' by the absence of effective regulators aimed at the strict execution of punishment. On the other hand, persons who have taken the path of correction, in some cases, cannot be rewarded for their positive behavior due to the lack of incentive measures. To substantiate the above said, we will try to present an analysis of all types of determinate sentences that are actually enforced¹.

Fines

A fine can be calculated in three ways: as a fixed amount (from 5 thousand to 1 million rubles); in the amount of the wage or salary, or any other income (for the period from 2 weeks to 5 years); in multiples of the amount of the bribe, cash instruments applied in smuggling (part 2 of Article 46 of the Criminal Code of the Russian Federation). Within 60 days from the date of entry into force of a sentence, the convicted person is obliged to pay the entire amount of the fine if a decision on installment payments has not been taken in relation to him/her.

In the event the convicted person has not paid the full amount of fine during this period, he/she is recognized as a malicious evader, and the fine shall be replaced with another type of punishment, except for imprisonment. An exception is made in individual cases of the imposed 'multiple' fine when it can be replaced with another type of punishment, including imprisonment.

Official statistics indicates that the legal category of the inevitability of the execution of this type of punishment needs further elaboration. More than 70 % of fine amounts remain unpaid annually, which cannot but require the legislator to seek new mechanisms aimed at accurate and rigorous execution of punishment.

¹ The paper does not cover the issues related to arrest and death penalty in view of their non-application as well as punishment in the form of deprivation of a special, military or honorary, title, class rank and state awards since a convict does not have the opportunity to evade serving such punishment and there is no need to prove the correction as the punishment is termless.

Таблица 1

Сведения о взысканных штрафах (млн руб.), назначенных в качестве основного или дополнительного наказания по всем видам преступлений*

Год	Общая сумма	Уплачено добровольно	Взыскано принудительно	Возвращено или не исполнено
2020	5113	646 (6,7 %)	1025 (20 %)	111 (2,1 %)
2019	4095	806 (19,6 %)	450 (10,9 %)	57 (1,4 %)
2018	11525	771 (6,7 %)	1028 (9 %)	357 (3 %)

* Отчет судов общей юрисдикции о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об оплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>.

В связи с этим рассмотрим следующие проблемы.

1. Понятие «злостно уклоняющийся» предусмотрено практически по всем видам наказаний, не связанным с изоляцией от общества, а признание таковым осужденного происходит поэтапно. Такой подход обусловлен Токийскими правилами, согласно которым ни один осужденный не может быть подвергнут мерам взыскания, не будучи предварительно проинформированным о проступке, который ставится ему в вину и не получив возможности высказаться в свое оправдание¹. Очевидно, данное международное требование в случае назначения штрафа в качестве наказания выполняется на этапе провозглашения приговора: осужденному разъясняется срок для добровольной уплаты штрафа также судебным приставом, в обязанности которого входит в течение трех дней с момента получения копии приговора начать исполнительное производство и под роспись ознакомить осужденного.

Полагаем, вынесение официального предупреждения до признания «злостно уклоняющимся», подобно тому, как это предусмотрено в случае уклонения от исправительных, обязательных работ, ограничения свободы, могло бы помочь унифицировать уголовно-правовые нормы.

¹ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением [Токийские правила] (приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи от 14 дек. 1990 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml.

Верховный Суд РФ указал, что установления других условий, кроме неуплаты штрафа в срок (например, неоднократное предупреждение осужденного судебными приставами-исполнителями о возможности замены штрафа другим наказанием, получение объяснений о причинах неуплаты им штрафа, представление сведений об имущественном положении осужденного и источниках его доходов), для признания осужденного злостно уклоняющимся не требуется². Более того, сам факт отсутствия у осужденного денежных средств не может признаваться уважительной причиной³. В решениях судов имеют место следующие формулировки: «Ссылка осужденного на отсутствие в его действиях злостности в уклонении от уплаты штрафа по объективным причинам, которые он приводит в жалобе (отсутствие имущества и доходов, достаточных для уплаты штрафа, невозможность получения высокооплачиваемой работы и кредитов в банках, наличие на иждивении детей и т. п.), не свидетельствует об ошибочности выводов суда»⁴. В то же время высшая судебная инстанция допускает наличие уважительных причин, послуживших препятствием к

² О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 22 дек. 2015 г. № 59. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>.

³ Там же; кассационное определение Верховного Суда РФ по делу № 44-О11-71. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru/bigs/id>.

⁴ Апелляционное постановление Верховного Суда РФ по делу № 46-АП/14-30. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru/bigs/id>.

Table 1. Recovered fines imposed as the main or additional penalty for all crimes, in millions of rubles *

Year	Total amount	Paid voluntarily	Enforced	Returned or not executed
2020	5,113	646 (6.7 %)	1,025 (20 %)	111 (2.1 %)
2019	4,095	806 (19.6 %)	450 (10.9 %)	57 (1.4 %)
2018	11,525	771 (6.7 %)	1,028 (9 %)	357 (3 %)

* Report of the courts of general jurisdiction on the amount of damage from crimes, the amount of material penalties to the state revenue, the number of decisions on the payment of procedural costs at the expense of the federal budget and the appointment of expert examinations. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>.

In our opinion, the problems are as follows.

1. The concept of a ‘malicious evader’ is provided for almost all punishments not related to isolation from society, and the convict is recognized as such stage by stage. This approach is conditioned by the Tokyo Rules, according to which, no convicted person can be subjected to punitive measures without being previously informed of the offense that is being blamed on him/her and without receiving an opportunity to speak in his/her defense¹. Obviously, in the case of a fine imposed as a punishment, this international requirement is fulfilled at the stage of the verdict pronouncement when the period for voluntary payment of the fine is explained to the convicted person and the bailiff, whose duties include institution of enforcement proceedings within three days from the receipt of a copy of the judgment and informing the convict who acknowledges it by his/her signature.

In our opinion, issuing an official warning before adjudging a person to be ‘a malicious evader’, just as it is provided for in the case of evasion of correctional labor, compulsory works, and deprivation of freedom could unify criminal law regulations.

¹ United Nations Standard Minimum Rules for Non-Custodial Measures (The Tokyo Rules) (Adopted by General Assembly Resolution 45/110 of 14 December 1990). Available at: <https://www.ohchr.org/documents/professionalinterest/tokyorules.pdf>; https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml.

The Supreme Court of the Russian Federation indicated that determination of other conditions besides non-payment of the fine on time (for example, repeated warning of the convicted person by bailiffs about the possibility of replacing the fine with another punishment, taking explanations from him/her about the reasons for non-payment of the fine, submission of information about the property status of the convict and his/her sources of income) was not required to recognize the convicted person to be a malicious evader². Moreover, the very fact that the convicted person does not have money cannot be considered as a valid reason³. The court decisions contain the following formulations: ‘The convict’s reference to the absence of malice in his/her actions in evading the payment of the fine for objective reasons, which he/she cites in the complaint (lack of property and income sufficient to pay the fine, the impossibility of obtaining a high-paying job and loans in banks, dependent children, etc.) does not indicate the erroneousness of the court’s conclusions’⁴. At the same time, the highest court admits the existence of valid reasons that have served as an obstacle

² Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 59 of December 22, 2015 ‘On Introducing Amendments to Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on Criminal Cases’. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>.

³ Ibid. Cassation Decision of the Supreme Court of the Russian Federation in case No. 44-О11-71. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru/bigs/id>.

⁴ Appellate Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation in case 46-АП/14-30. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru/bigs/id>.

своевременной уплате¹. Так, заболевание осужденного, отбывавшего основное наказание в колонии, было признано уважительной причиной².

2. Законодательство не содержит ответа на вопрос, как учитывать частичную неуплату штрафа. Постановление Пленума Верховного Суда РФ содержит следующее разъяснение: «При определении вида и срока наказания, которым заменяется штраф в случае злостного уклонения от его уплаты, следует принимать во внимание размер назначенного штрафа и той его части, которая не уплачена осужденным»³. Размер заменяемого наказания определяется либо исходя из санкции статьи, по которой лицо признано виновным, либо по правилам Общей части УК РФ, если заменяемое наказание санкцией не предусмотрено.

3. Замена штрафа на любое другое наказание, кроме лишения свободы, фактически смягчает положение осужденного. Смоделируем ситуацию: осужденному назначено наказание в виде штрафа в размере 1 млн руб., от уплаты которого он уклонился. Суд заменяет наказание на исправительные работы. Если у осужденного нет работы, Уголовно-исполнительная инспекция (УИИ) по согласованию с органами местного самоуправления обязана его трудоустроить. Минимальный размер оплаты труда составляет 12 792 руб.⁴ Даже в случае максимально возможного срока исправительных работ (2 года) и процента (20 %) размер итоговых взысканий в казну составит 61 401 руб. при условии минимального размера оплаты труда. Таким образом, злостно уклонившийся осужденный «не доплатит» государству почти 940 тыс., при этом будет трудоустроен с оплатой труда. Аналогичные экономические потери государства можно проследить при замене на любой, не связанный с лишением свободы вид наказания.

¹ О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 22 дек. 2015 г. № 59.

² Кассационное определение Верховного Суда РФ по делу № 49-О12-76. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru/bigs/id>.

³ О практике применения судами законодательства об исполнении приговора [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 20 дек. 2011 г. № 21 (ред. от 18.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О минимальном размере оплаты труда [Электронный ресурс]: Федер. закон от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ (ред. от 29.12.2020) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Суды активно используют т. н. «кратный штраф», когда его размер коррелирует с размером взятки. Однако назначение многомиллионных штрафов, которые осужденный обязан выплатить в течение 60 дней с момента вступления приговора в законную силу, фактически представляет собой игру государства в «кошки-мышки». За такой короткий промежуток времени осужденный не имеет возможности собрать необходимую сумму, он признается злостно уклоняющимся, и ему заменяют наказание на более строгое – как правило, лишение свободы. В свое время идея введения «кратного штрафа» была основана на исключении возможности осужденного «дешево откупиться» от государства. Действительно, имели место приговоры, когда сумма штрафа была существенно меньше суммы причиненного ущерба. Поэтому идея введения «кратного штрафа» вначале оценивалась положительно. Однако в настоящее время существующая практика показала неэффективность такого законодательного решения: штраф либо заменяется на лишение свободы, либо остается неисполненным, о чем свидетельствуют статистические данные (табл. 2).

«Кратный» способ исчисления штрафа предусмотрен для статей 200.1, 200.5, 200.7, 204, 204.1, 290, 291, 291.1 УК РФ, однако замена на лишение свободы возможна только при уклонении от уплаты штрафа за коммерческий подкуп и взятку (ст. 204, 204.1, 290, 291, 291.1 УК). Если законодатель вводил «кратный» штраф за так называемые «коррупционные» преступления, то почему способ уголовно-правовой реакции на уклонение от наказания он избрал разный?!

5. Имеет место давний спор о возможности уплаты штрафа за несовершеннолетнего его законными представителями с согласия последних. С одной стороны, нарушается принцип индивидуализации наказания, с другой – возможность уплаты штрафа за несовершеннолетнего другим лицом направлено на минимизацию степени осуждения несовершеннолетнего к реальным наказаниям, связанным с изоляцией от общества. Возникает вопрос: если законный представитель согласился за несовершеннолетнего заплатить штраф, но не сделал этого в установленный законом срок, кто будет признан злостно уклоняющимся?

to timely payment¹. Thus, the illness of the convict who was serving his/her main sentence in a prison camp was recognized as a valid reason².

2. The legislation does not give an answer to the question of how to take into account the partial non-payment of a fine. The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation provides the following explanation: ‘When determining the type and term of punishment, which replace the fine in case of malicious evasion of payment, it is necessary to take into account the amount of the imposed fine and that part of it that has not been paid by the convicted person’³. The amount of the replaced punishment is determined either on the basis of the sanction of the article according to which the person was found guilty, or, if the replaced punishment is not provided for by the sanction, according to the rules of the General Part of the Criminal Code.

3. Replacing a fine with any other punishment other than imprisonment actually mitigates the position of the convicted person. Let us create a model of the situation: a convict was sentenced to a fine in the amount of 1 million rubles; he evaded paying the fine. The court replaces punishment with correctional labor. If the convicted person does not have a job, the Penal Enforcement Inspectorate (hereinafter referred to as the PEI), in agreement with local authorities, is obliged to find a job for the convict. Minimum wage is 12,792 rubles⁴. Even in the case of the maximum possible term of correctional labor (2 years) and the maximum possible percentage (20 %), the amount of the final penalties to the public treasury will be 61,401 rubles subject to the minimum wage of the convict. Thus, the convicted malicious evader will ‘not pay’ the state almost 940 thousand rubles, while he/she will be employed and paid. Similar economic losses of the state can be traced when replacing any type of punishment that is not related to the deprivation of freedom.

¹ Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 59 of December 22, 2015 ‘On Introducing Amendments to Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on Criminal Cases’. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190931/.

² Cassation Decision of the Supreme Court of the Russian Federation in case No. 49-О12-76. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru/bigs/id>.

³ Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 of December 20, 2011 ‘On the Practice of Applying by Courts of the Legislation on the Execution of a Sentence’ (as amended on 18.12.2018). Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

⁴ Federal Law No. 82-FZ of June 19, 2000 ‘On the Minimum Wage Rate’ (as amended on 29.12.2020). Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

4. Courts actively use the so-called ‘multiple fine’ when its size correlates with the size of the bribe. However, the imposed multimillion-ruble fines, which the convicted person is obliged to pay within 60 days upon the entry of judgment into effect, in fact, represent a kind of game of the state in ‘cat and mouse’. The convicted person is unable to collect the necessary amount of money for such a short period of time, then he/she is considered to be a malicious evader and his/her punishment is replaced with a more severe one, i.e. deprivation of freedom, as a rule. In the past, the idea of introducing a ‘multiple fine’ was based on excluding the possibility of ‘getting off cheap’. Indeed, in practice there were sentences when the amount of the fine was significantly less than the amount of damage caused. Therefore, initially, the idea of introducing a ‘multiple fine’ was assessed positively. However, at present, the existing practice has shown the ineffectiveness of such a legislative solution: the fine is either replaced with the deprivation of freedom or remains unexecuted, as evidenced by statistics.

The ‘multiple’ method of calculating a fine is provided for in Articles 200.1, 200.5, 200.7, 204, 204.1, 290, 291, 291.1 of the Criminal Code; however, substitution for deprivation of freedom is only possible when evading payment of a fine for commercial bribery and bribery (Articles 204, 204.1, 290, 291, 291.1 of the Criminal Code). And it is not quite clear, why, introducing a ‘multiple’ fine for so-called ‘corruption-related’ crimes, the legislator has chosen different methods of criminal law reaction to evasion of punishment?

5. There are long-running debates concerning the possibility of paying a fine for a minor by his/her legal representatives with the consent of the latter. In this case, the principle of individualization of punishment is violated; on the other hand, the possibility of paying a fine for a minor by another person is aimed at minimizing the conviction of minors to real punishments associated with isolation from society. However, the question arises: if a legal representative agreed to pay a fine for a minor, but did not do that within the time limit established by law, who will be considered to be a malicious evader?

Таблица 2

Сумма ущерба по преступлениям коррупционной направленности, млн руб.
(по перечню № 23 Генпрокуратуры РФ)*

Год	Сумма ущерба	Присуждено к взысканию	Погашено на досудебной стадии	Сумма по исполнительным листам
2020	2896	2067 (71,3 %)	807 (27,8 %)	1487 (51,3 %)
2019	3904	3330 (85,3 %)	525 (13,4 %)	1529 (39,1 %)
2018	2312	1669 (72,1 %)	641 (27,7 %)	1385 (60 %)

* Отчет о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об уплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461>.

6. Если институт принудительных мер хоть как-то отражен в законодательстве, то поощрительных стимулов для осужденных к штрафу вовсе не предусмотрено. Косвенно единственный позитивный момент – дата окончания выплаты штрафа, с которой начинается отсчет времени погашения судимости. В остальном осужденный не мотивирован на скорейшую выплату штрафа [48, с. 520]. В качестве поощрительной меры можно было бы рассмотреть возможность уплаты штрафа «со скидкой» подобно тому, как в административном законодательстве установлена возможность уплаты 50 % назначенного административного штрафа за отдельные виды правонарушений в течение 20 дней¹.

Аналогично можем предположить, что первые 30 дней для добровольной уплаты штрафа как уголовного наказания можно рассматривать как льготный период, дающий возможность осужденному выплатить только часть назначенной судом суммы. Так же как и в административном законодательстве, «льготный» порядок уплаты штрафа не может распространяться на всех осужденных (напомним, административное законодательство допускает подобный подход только к отдельным правонарушениям в области дорожного движения). Можно предположить, что выплата штрафа в меньшем размере допустима для лиц, совершивших преступления не-

большой или средней тяжести. Стоит отметить, что штраф, назначаемый за тяжкие преступления в качестве основного наказания, предусмотрен в отношении 43 составов и 7 составов преступлений, относящихся к категории особо тяжких. Последнее обстоятельство вызывает принципиальное возражение: если деяния – особо квалифицированные виды дачи, получения и посредничества во взятке (ч. 5, 6 ст. 290, ч. 4, 5 ст. 291, ч. 4 ст. 291.1 УК РФ), а также изготовление, сбыт поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия либо их использование, причинившие крупный ущерб государству, либо сопряженные с извлечением дохода в крупном размере, либо совершенные организованной группой (ч. 5, 6 ст. 327.1 УК РФ) отнесены законодателем к категории особо тяжких преступлений, то назначение самого мягкого вида наказания (даже в довольно крупных размерах) противоречит принципу справедливости [48, с. 522].

Введение прогрессивной системы оплаты штрафа, а также установление возможности замены штрафа на любой вид наказания вплоть до лишения свободы могло бы, на наш взгляд, улучшить ситуацию. В настоящее время заменить штраф на лишение свободы (за исключением осуждения за взятку или коммерческий подкуп) можно только при повторном признании осужденного злостно уклоняющимся. Верховный Суд РФ указал, что применение меры лишения свободы в случаях, если осужденному назначено наказание в виде обязательных, исправительных работ либо ограничения свободы (ч. 5 ст. 46 УК РФ), допускается, «даже когда

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части совершенствования взыскания штрафов за административные правонарушения в области дорожного движения: Федер. закон от 22 дек. 2014 г. № 437-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Table 2. Damage caused by corruption-related crimes (according to list No. 23 of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation), in millions of rubles *

Year	Amount of damage	Adjudged to be paid	Paid at the pretrial stage	Amount according to enforcement orders
2020	2,896	2,067 (71.3 %)	807 (27.8 %)	1,487 (51.3 %)
2019	3,904	3,330 (85.3 %)	525 (13.4 %)	1,529 (39.1 %)
2018	2,312	1,669 (72.1 %)	641 (27.7 %)	1,385 (60 %)

* Report on the damage from crimes, the amount of material penalties to the state revenue, the number of court decisions on the payment of procedural costs at the expense of the federal budget and the appointment of expert examinations. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461>.

6. While coercive mechanisms are recorded in the legislation to a certain extent, incentives for those sentenced to a fine are not provided at all. Indirectly, the only positive factor is the moment when the fine is paid off; from this moment the countdown of the conviction expiration date begins. In all other respects, the convicted person is not motivated to pay the fine within the shortest possible time [48, p. 520]. The possibility of paying a fine ‘at a reduced cost’ could be considered as an incentive measure similarly to the administrative law which establishes the possibility of paying 50 % of the assigned administrative fine for certain types of offenses within 20 days¹.

Similarly, it can be assumed that the first 30 days for the voluntary payment of a fine as a criminal penalty can be regarded as a cure period allowing the convicted person to pay only a part of the fine adjudged by the court. Just as in administrative legislation, the concessionary procedure of paying a fine cannot be applied to all convicts (administrative legislation allows such an approach only to certain offenses in the field of road traffic). It can be assumed that payment of a fine in a smaller amount is permissible for persons who committed offenses of low-to-medium severity. It should be noted that fines imposed for grave crimes as the main punishment is provided for 43 elements of crimes and 7 elements of crimes be-

¹ Federal Law No. 437-FZ of December 22, 2014 ‘On Introducing Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in Terms of Improving the Collection of Fines for Administrative Offenses in the Field of Road Traffic’. Available at: <http://www.pravo.gov.ru>.

longing to the category of especially grave ones. The last circumstance raises a fundamental objection: if some acts – giving and receiving a bribe and bribery mediation with aggravating circumstances (parts 5, 6 of Article 290; parts 4, 5 of Article 291; part 4 of Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation); production and sale of counterfeit excise stamps, special stamps, or marks of conformity or their use that have caused major damage to the state; or acts associated with illegal large-scale income generation; or acts committed by an organized group (parts 5, 6 of Article 327.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) – are classified by the legislator as especially grave crimes, then adjudgment of the mildest type of punishment (even in considerable amounts) contradicts the principle of justice [48, p. 522].

In our opinion, introduction of a progressive system of fine payment as well as the possibility of replacing a fine with any type of punishment including imprisonment could improve the situation. At present, it is possible to replace a fine with deprivation of freedom (with the exception of conviction for a bribe or commercial bribery) only if the convicted person is repeatedly adjudged to be a malicious evader. The Supreme Court of the Russian Federation indicated that, in cases where the convicted person was sentenced to compulsory works, corrective labor, or restriction of freedom in accordance with part 5 of Article 46 of the Criminal Code of the Russian Federation, custodial measures can be applied ‘even

штраф по приговору суда назначался не в кратной величине. Срок наказания при этом исчисляется исходя из неотбытой части срока наказания, которым был заменен штраф, а не из размера штрафа»¹. Получается, что осужденный может уклониться от выплаты штрафа (первый раз назначено наказание), потом уклониться от наказания, не связанного с изоляцией от общества (второй раз назначено наказание), и только в третий раз при замене наказания может быть назначено лишение свободы. Вряд ли в подобной ситуации даже на теоретическом уровне уместно рассуждать о соответствии принципу неотвратимости наказания.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

Данный вид наказания заключается в том, что лицу запрещается занимать должность на государственной службе или в органах местного самоуправления либо заниматься профессиональной деятельностью или деятельностью, требующей наличия соответствующего разрешения.

В доктринальных источниках permanently идет спор о том, сколько по существу наказаний «включено» в данное наказание, а также каков спектр тех должностей и видов деятельности, которые можно запретить занимать. В практике имеют место курьезные ситуации, когда УИИ обращается в суд для разъяснений в части исполнения приговора, но получает отказ со следующей формулировкой: «Определение конкретных должностей, связанных с выполнением организационно-распорядительных функций, не входит в полномочия суда, поскольку это, во-первых, означало бы смещение запрета занимать должности с запретом заниматься деятельностью и, во-вторых, неосновательно расширяло бы очерченную законом сферу применения запрета занимать определенные должности»². Так, осужденная С. обратилась в ин-

спекцию за разрешением работать учителем начальных классов. Преступление, за которое ей было назначено рассматриваемое наказание, она совершила, будучи директором школы. Она была лишена права занимать должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных функций. В своем представлении начальник УИИ просил разъяснить, какие должности и в какой сфере деятельности нельзя занимать С. [49, с. 123].

Для стимулирования правопослушного поведения при исполнении рассматриваемого наказания законодатель не предусмотрел ни негативных, ни поощрительных мер. В качестве стимулирующей позитивной меры можно было бы рассмотреть возможность условно-досрочного освобождения (далее – УДО). В настоящее время совершенно неоправданно круг наказаний, в отношении которых может применяться УДО, сужен до тех, которые связаны с изоляцией от общества³.

Что касается негативных мер воздействия, то данный вопрос permanently обсуждается в научной литературе. Авторы практически единодушны в том, что для лиц, уклоняющихся от отбывания данного вида наказания, необходимо предусмотреть механизм признания «злостно уклоняющимся» с последующей возможной заменой на более строгое наказание. В настоящее время все, что может сделать УИИ в отношении лица, не исполняющего требование приговора, – не зачесть в срок период несоблюдения таких требований. Привлечь его к уголовной ответственности по статье 315 УК РФ невозможно ввиду особенностей конструкции указанной нормы. Смоделируем ситуацию: лицо совершило преступление, предусмотренное статьей 264 УК, за которое ему было назначено наказание в виде запрета управления транспортным средством (т. н. «иная деятельность»). В соответствии с требованием закона осужденный обязан сдать в ГИБДД водительское удостоверение, с данного момента начнет исчисляться срок рассматриваемого наказания. По-

аналогичное решение: постановление Ростовского областного суда по делу № 22-7467/2013. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/id=665e5b1eb8946eac42ee9af1983d46b9&shard>.

³ Хотя вопрос о принадлежности принудительных работ к данной группе остается спорным ввиду того, что УИК рассматриваемый вид наказания предусмотрен в разделе II «Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества».

when the fine was imposed by the court verdict not in multiples. In this case, the term of punishment is calculated not in accordance with the fine amount but on the basis of the unserved part of the term of the punishment that replaced the fine»¹. It turns out that the convicted person can evade the payment of a fine (the punishment was adjudged for first time), then evade a punishment not related to isolation from society (the punishment was adjudged for the second time), and only then (the third time) the punishment can be changed to the deprivation of freedom. It is unlikely that in such a situation, even at a theoretical level, it is appropriate to talk about compliance with the principle of inevitability of punishment.

Deprivation of the Right to Hold Specified Offices or to Engage in Specified Activities

This type of punishment consists in the fact that a person is prohibited from holding a position in the civil service or local self-government bodies, or from engaging in professional activities or activities requiring an appropriate permit for its implementation.

In doctrinal sources there are long-running debates about how many punishments are ‘included’ in this punishment in fact as well as the range of positions and types of activities that can be prohibited from holding. In practice, there are curious situations when the PEI applies to the court to clarify the ambiguities that arose during the enforcement of the sentence but receives a refusal with the following wording: ‘Determining specific positions related to the implementation of organizational and administrative functions is not included in the powers of the court, since firstly, this would mean confusing the prohibition to hold positions with the prohibition to engage in activities, and secondly, it would unreasonably expand the scope of the prohibition to hold certain positions outlined by the law’². In the above example, con-

vict S. applied to the Inspectorate for permission to work as a primary school teacher. She had committed the offense for which the sentence in question was adjudged when she worked as a school principal. She was deprived of the right to hold positions related to the implementation of organizational and administrative functions. In his submission, the head of the PEI asked to clarify which positions convict S. had been prohibited to hold and in which field of activity [49, p. 123].

To stimulate law-abiding behavior in the execution of the punishment in question, the legislator has not provided for either negative or incentive measures. The possibility of parole could be considered as an incentive positive measure. Currently, it is completely unjustified that the range of punishments for which parole can be applied is narrowed down to those associated with isolation from society³.

As to negative measures of influence, this issue is constantly discussed in the scientific literature. The authors are practically unanimous in the fact that for persons who evade serving this type of punishment, it is necessary to provide for a mechanism of specifying them to be ‘malicious evaders’ with subsequent possible replacement with a more severe punishment. At the present time, all that the PEI can do against a person who does not comply with the requirements of the sentence is not to include the period of non-compliance with such requirements in the term of sentence. It is impossible to prosecute this person under Article 315 of the Criminal Code of the Russian Federation due to the peculiar features of this regulation. Let us simulate a situation: a person committed a crime under Article 264 of the Criminal Code for which he/she was sentenced to disqualification to operate a transport vehicle (the so-called ‘other activity’). In accordance with the law, the term of the sentence starts from the moment the convicted person surrenders the driver’s license to the traffic police office, which he/she is obliged to do.

¹ Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 of December 20, 2011 ‘On the Practice of Applying by Courts of the Legislation on the Execution of a Sentence’ (as amended on 18.12.2018). *Bulletin of the Criminal Executive System*. 2012. No. 3.

² Ruling of the Lesnoy District Court of the Tver Region in case No. 4/17-9/2010. State information system of the Russian Federation ‘Justice’. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru/bigs/id>. A similar decision: Ruling of the Rostov Regional Court in case No. 22-7467/2013. Available

at: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/id=665e5b1eb8946eac42ee9af1983d46b9&shard>.

³ The issue of considering compulsory work as belonging to this group remains controversial due to the fact that in the Penal Enforcement Code the type of punishment under consideration is provided for in Section II ‘Execution of punishments not related to the isolation of the convicted person from society’.

¹ О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 20 дек. 2011 г. № 21 (ред. от 18.12.2018) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 3.

² Постановление Лесного районного суда Тверской области по делу № 4/17-9/2010 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru/bigs/id>;

скольку само транспортное средство не изымается, есть высокая вероятность того, что осужденный вновь сядет за руль, не имея на то прав. В данном случае он подлежит административной ответственности с санкцией в виде штрафа до тридцати тысяч рублей, административного ареста до 15 суток или обязательных работ от ста до двухсот часов (ч. 2 ст. 12.7 КоАП). Таким образом, неисполнение требований уголовного закона «охраняется» нормами административного законодательства. Учитывая, что практически во всех ситуациях уклонения от отбывания наказания предусмотрена уголовно-правовая реакция, «забывчивость» законодателя в части данного наказания вызывает недоумение. Теоретически изменить ситуацию можно следующим образом: если наказание назначено в качестве основного, то за злостное уклонение должна быть предусмотрена замена на более строгое наказание; если рассматриваемое наказание назначено в качестве дополнительного, ответственность (ст. 314 УК РФ) должна наступать подобно тому, как в настоящее время это предусмотрено для наказания в виде ограничения свободы.

Наличие стимулирующей меры в виде возможности условно-досрочного освобождения и негативной меры в виде замены наказания на более строгое могло бы способствовать достижению принципа неотвратимости наказания в виде запрета занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью.

Обязательные работы

Цель меры обязательных работ заключается в том, что в свободное от работы или учебы время осужденный мог бесплатно осуществлять трудовую деятельность в организациях, куда был направлен по указанию уголовно-исполнительной инспекции.

В качестве принудительных мер предусмотрены предупреждение за нарушение условий и порядка отбывания и представление о замене обязательных работ более строгим наказанием при злостном (т. е. неоднократном) уклонении осужденного от отбывания наказания. Основанием для направления представления о замене обязательных работ более строгим наказанием должно быть зафиксированное замечание о том, что осужденный в течение месяца

более двух раз не вышел на обязательные работы либо нарушил трудовую дисциплину.

Поощрительные стимулы законодательно не регламентированы.

На доктринальном уровне высказываются замечания относительно того, что обязательные работы «изжили» себя, бесперспективны [6, с. 191], а также имеют ряд организационных и правовых проблем [14, с. 127].

1. Часть 2 статьи 27 УИК РФ допускает возможность привлечения осужденных к обязательным работам в выходные дни. Однако если контроль его трудовой деятельности должен осуществлять сотрудник организации, куда направлен осужденный, то каким образом должны выполняться требования рассматриваемой нормы? Таким образом, положения данной нормы фактически не исполнимы.

На администрацию организаций, в которых осужденные отбывают обязательные работы, возлагаются контроль за выполнением осужденными определенных для них работ, уведомление УИИ о количестве проработанных часов или об уклонении осужденных от отбывания наказания (ч. 1 ст. 28 УИК РФ). Нормативными актами оплата труда, связанного с руководством, распределением трудовой нагрузки и другими текущими вопросами, возникающими в ходе отбывания наказания, для сотрудника, которому поручен контроль за осужденным, не предусмотрена [50, с. 20]. В рамках должностных обязанностей работа с осужденными не предусматривается. Полагаем, материальное стимулирование труда сотрудников организации, где работает осужденный, могло бы повысить качество выполнения возложенных дополнительных, не связанных с основными профессиональными обязанностями. Такой «пренебрежительный» подход к работе сотрудников организаций, где работает осужденный, приводит к безответственному отношению. На практике довольно часто УИИ не могут представить в суд доказательства злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ, поскольку администрации организаций представляют информацию о нарушении трудовой дисциплины по прошествии длительного промежутка времени¹, тогда как для признания зло-

¹См., например: постановление Первомайского районного суда г. Медногорска Оренбургской области от 17.12.2012

Since the vehicle itself is not confiscated, there is a high probability that the convicted person will drive again without having the right to do that. In this case, he/she is subject to administrative liability in accordance with part 2 of Article 12.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation with the sanction in the form of a fine in the amount of up to 30 thousand rubles, administrative arrest for up to 15 days, or compulsory works from 100 to 200 hours. Thus, non-compliance with the criminal law is 'protected' by the regulations of administrative legislation. Taking into account the fact that in almost all situations of evasion of serving a sentence a criminal-legal reaction is stipulated, the 'forgetfulness' of the legislator in terms of this punishment is perplexing. Theoretically, the situation can be changed in the following way: if the punishment is adjudged as the main one, then for its malicious evasion a more severe punishment should substitute it; if the punishment in question is adjudged as an additional one, liability should arise under Article 314 of the Criminal Code of the Russian Federation, similar to liability provided for punishment in the form of deprivation of freedom of the legislation in power.

The presence of an incentive measure in the form of the possibility of parole and a negative measure in the form of replacing the punishment with a more severe one could contribute to the implementation of the principle of inevitability of punishment in the form of a prohibition to hold a certain position or engage in certain activities.

Compulsory Community Service

The essence of compulsory community service lies in the fact that the convict carries out labor activities free of charge in the organizations to which he/she was sent by the Penal Enforcement Inspectorate in time free from work or study.

As to compulsory measures, the law provides for issuing a warning for violation of the conditions and procedure of serving the sentence and submitting an application about replacing compulsory community works with a more severe punishment in case of malicious (i.e. repeated) evasion of the convict of serving the sentence. To send a submission for the replacement of compulsory community works with a more severe punishment, it must be recorded that the convicted person has failed to fulfill compulsory community works more

than two times within a month or has violated labor discipline.

Incentives are not legally regulated.

At the doctrinal level, remarks are made regarding the fact that compulsory community works have 'outlived' their usefulness and they are prospectless [6, p. 191] and have a number of organizational and legal problems [14, p. 127].

1. Part 2 of Article 27 of the RF PEC allows for the possibility of bringing convicts to compulsory community works on weekends. How should the requirements of the norm in question be met, considering that control of his/her work activity should be carried out by an employee of the organization where the convict is sent? Thus, the provisions of this norm are actually not enforceable.

In accordance with part 1 of Article 28 of the RF PEC, the administration of organizations in which convicts serve compulsory community works is entrusted with control over the execution by convicts of the work assigned to them, notifying the Penal Enforcement Inspectorate of the number of hours worked or of convicts evading serving their sentences. Regulatory acts do not provide for remuneration for work related to management, distribution of work load and other current issues arising during the serving of the sentence for the employee who is entrusted with monitoring the convict [50, p. 20]. As part of their official duties, work with convicts is not provided. We believe that material incentives for the work of employees of the organization where a convict works could improve the quality of the performance of additional assigned, not related to basic professional, duties. Such disrespect for the work of employees of the organizations where a convict works leads to an irresponsible attitude. In practice, it is quite often that the PEI cannot present to the court evidence of malicious evasion of the convicted person from serving compulsory community works, because administrations of organizations provide information on violation of labor discipline after a long period of time¹, while for the recognition

¹ See, for example: Ruling of the Pervomaisky District Court of Mednogorsk city of the Orenburg Region in case No. 4/17-19/2012 of December 17, 2012. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

стно уклоняющимся нарушений должно быть не менее двух в течение месяца. Например, в судебном постановлении указано, что осужденный Г. с 10 октября до 19 октября 2018 г. не выходил на работу без уважительных причин. Однако только 29 января 2019 г. УИИ вынесла первое предупреждение, так как информация от организации о прогулах не поступала. 14 ноября 2018 г. организация просто уволила Г., не известив об этом инспекцию¹.

2. В случае злостного уклонения от отбывания обязательных работ возможна замена данного вида наказания только на лишение свободы, из расчета 1 день лишения свободы за 8 часов обязательных работ. Причем заменяется только неотбытая часть наказания, независимо от того, предусмотрено ли наказание в виде лишения свободы санкцией статьи Особенной части УК РФ, по которой было назначено наказание². Следовательно, максимальное наказание в виде лишения свободы – 60 суток, так как на обязательные работы предусмотрено не более 480 часов.

В практике имеют место прецеденты, когда при замене сами осужденные ходатайствуют о другом наказании, ведь отбыть небольшой промежуток времени при лишении свободы оказывается «выгоднее», чем ежедневно выходить на обязательные работы. Так, осужденная П. поддержала представление УИИ о замене обязательных работ лишением свободы в колонии-поселении сроком на 21 день³. Осужденная Е. «...не возражала против удовлетворения представления ... о замене обязательных работ лишением свободы сроком на 27 дней»⁴. «... Осужденный в суде указал, что он не отбывал наказание по причине нежелания отбывать установленный судом срок обязательных работ. Наказание в дальнейшем отбывать не намерен»⁵.

по делу № 4/17-19/2012. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

¹ Апелляционное постановление Ярославского областного суда № 22-1695/2019 от 14.10.2019 г. по делу № 22-1695/2019.

² О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 20 дек. 2011 г. № 21 (ред. от 18.12.2018). П. 5.9 // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 3.

³ Определение Нижнедевицкого районного суда Воронежской области от 12.03.2012 по делу № 4/17-16/2012. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

⁴ Постановление Советского районного суда г. Воронежа от 06.03.2012 по делу № 4-52/2012. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

рен»⁵. Осужденный Ч. в суде пояснил, что не приступал к обязательным работам, так как работать не хочет, поэтому согласился с представлением УИИ о замене на 37 дней лишения свободы⁶. В другом судебном решении указано, что осужденный Ш. согласился с заменой обязательных работ, так как «занят на основном месте работы и предпочитает отбыть наказание в виде лишения свободы в течение 36 дней»⁷. Довольно часто осужденные не возражают против представления УИИ о замене более строгим наказанием, указывая, что срок лишения свободы незначительный⁸ или что просто не желают выходить на обязательные работы⁹.

В определенной степени «льготное» соотношение 8 часов обязательных работ к одному дню лишения свободы дает «неожиданные результаты».

Нередки случаи, когда суды отказывают УИИ в удовлетворении ходатайства, ссылаясь на то, что осужденный возобновил отбывание наказания и начал приходить на обязательные работы. «...Формальные доводы инспектора о неявке осужденного более двух раз в течение месяца для отбывания обязательных работ... не может служить безусловным основанием к замене обязательных работ лишением свободы»¹⁰. Имеют место и такие формулировки: «...к моменту рассмотрения представления в суде Ч. возобновил отбывание наказания, а срок неотбытого наказания является незначительным»¹¹.

⁵ Постановление Нелидовского городского суда Тверской области от 22.04.2016 по делу № 4/66/2016. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

⁶ Постановление Бобровского районного суда Воронежской области от 20.08.2014 по делу № 4/17-59/2014. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

⁷ Постановление Советского районного суда г. Воронежа от 26.02.2014 по делу № 4-47/2014. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

⁸ Постановление Советского районного суда г. Воронежа от 06.03.2012 по делу № 4-52/2012. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

⁹ Постановление Нелидовского городского суда Тверской области от 22.04.2016 по делу № 4/66/2016. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

¹⁰ Постановления Краснотурьинского городского суда Свердловской области от 08.04.2011 по делу № 4/17-74/2011. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>; от 27.03.2012 по делу № 4/17-31/2012. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

¹¹ Постановление Омутнинского районного суда Кировской области от 26.04.2016 по делу № 8/1-1/2016. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

of maliciously evading violations, there must be at least two violations within a month. For example, the Court Order states that convict G. from October 10, 2018 did not go to work without a clear reason until October 19. However, it was only on January 29, 2019 that the PEI issued the first warning because no information has been received from the organization about absenteeism. On November 14, 2018, the organization simply dismissed G. without notifying the inspectorate¹.

2. In case of malicious evasion of serving compulsory community works, it is possible to replace this type of punishment only with deprivation of liberty, at the rate of 1 day imprisonment for 8 hours of compulsory community works. Moreover, only the unserved part of the punishment is replaced, regardless of whether the punishment in the form of deprivation of liberty is provided for by the sanction of Article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, according to which the punishment was imposed². Consequently, the maximum punishment in the form of deprivation of liberty can be 60 days, since the time of compulsory community works cannot be more than 480 hours.

In practice, there are cases when replacing the punishment, the convicts themselves petition for a different punishment, since serving a short period of imprisonment turns out to be more efficient than going out to compulsory community works every day. Thus, the convict P. supported the PEI proposal to replace compulsory community works with deprivation of liberty in a colony-settlement for a period of 21 days³. The convicted E. '... did not object to the satisfaction of the submission ... to replace compulsory community works with deprivation of liberty for a period of 27 days'⁴. The convicted person indicated in court that he had not served his sentence due to his unwillingness to serve the term of compulsory community works

¹ Appellate Ruling of the Yaroslavl Regional Court No. 22-1695/2019 of October 14, 2019 in case No. 22-1695/2019.

² Clause 5.9 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 of December 20, 2011 'On the Practice of Applying by Courts of the Legislation on the Execution of a Sentence' (as amended on 18.12.2018). *The Bulletin of the Penal and Correctional System*. 2012. No. 3.

³ Decision of the Nizhnedevitsky District Court of the Voronezh Region in case No. 4/17-16/2012 of March 12, 2012. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

⁴ Ruling of the Sovetsky District Court of Voronezh in case No. 4-52/2012 of March 6, 2012. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

established by the court: 'I do not intend to serve a sentence in the future'⁵. The convicted Ch. explained in court that he had not started compulsory community works because he did not want to work, so he agreed with the PEI proposal to replace it with 37 days of deprivation of liberty⁶. It is indicated in another court order that the convicted Sh. agreed to the replacement of compulsory community works, because 'he is busy at his main place of work and prefers to serve a sentence of imprisonment for 36 days'⁷. Quite often, convicts do not object to the submission of the PEI to be replaced by a more severe punishment, pointing out that the term of imprisonment is insignificant⁸ or simply unwillingness to go to compulsory community works⁹.

To a certain extent, the 'preferential' ratio of 8 hours of compulsory community works to one day of imprisonment gives 'unexpected results'.

It is not uncommon for the courts to refuse the PEI to satisfy a petition referring to the fact that the convicted person had resumed serving his sentence and began to come to compulsory community works. '... The inspector's formal arguments about the convict's failure to appear more than twice a month to serve compulsory community works ... cannot serve as an unconditional basis for replacing compulsory community works with deprivation of liberty'¹⁰. There are also such formulations: '... by the time of considering the submission in court, Ch. has resumed serving his sentence, and the term of the unserved sentence is insignificant'¹¹.

⁵ Ruling of the Nelidovsky City Court of the Tver Region in case No. 4/66/2016 of April 22, 2016. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

⁶ Ruling of the Bobrovsky District Court of the Voronezh Region in case No. 4/17-59/2014 of August 20, 2014. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

⁷ Ruling of the Sovetsky District Court of Voronezh in case No. 4-47/2014 of February 26, 2014. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

⁸ Ruling of the Sovetsky District Court of Voronezh in case No. 4-52/2012 of March 6, 2012. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

⁹ Ruling of the Nelidovsky City Court of the Tver Region in case No. 4/66/2016 of April 22, 2016. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

¹⁰ Ruling of the Krasnoturinsky City Court of the Sverdlovsk Region in case No. 4/17-74/2011 of April 8, 2011. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>; Ruling of the Krasnoturinsky City Court of the Sverdlovsk Region in case No. 4/17-31/2012 of March 27, 2012. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

¹¹ Ruling of the Omutninsky District Court of the Kirov Region in case No. 8/1-1/2016 of April 26, 2016. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https://bsr.sudrf.ru>.

Полагаем соотношение 8 часов обязательных работ к 1 дню лишения свободы является слишком мягким. Учитывая, что в течение дня осужденному необходимо отрабатывать не менее 2 часов, соотношение 2 часа за один день лишения свободы могло бы в большей степени дисциплинировать в плане качественного и неукоснительного соблюдения требований приговора.

В США, Великобритании, Франции назначение подобного наказания (т. е. бесплатных общественно полезных работ) осуществляется исключительно с согласия подсудимого [52; 58; 69; 70]. Если он не согласен, ему назначается наказание, связанное с изоляцией от общества [71]. Таким образом, уже на стадии определения вида наказания исключается потенциальная возможность уклонения – мягкий приговор еще следует «заслужить»: служба пробации должна подтвердить в суде, что осужденный заслуживает мягкого наказания, а его трудовые навыки позволяют быть полезным для общества. Однако и за нарушения предусмотрены довольно внушительные меры воздействия, вплоть до длительных сроков тюремного заключения [60].

Уголовно-исполнительное законодательство не дает возможности как-либо учитывать качество осуществляемой трудовой деятельности. Заслуживает поддержки позиция С. А. Боровикова о необходимости внесения дополнений в статью 30 УИК, где в качестве еще одного признака для признания злостно уклоняющимся установить: систематическое (более двух раз в течение месяца) невыполнение установленных минимальных норм выработки либо систематическое невыполнение заданий, полученных от представителя администрации [3, с. 17]. Иную точку зрения отстаивает А. И. Бойко: «...не вполне корректно отнесение к числу обстоятельств, имеющих уголовно-правовые и уголовно-исполнительные последствия, случаев нарушения трудовой дисциплины (отбывается наказание, а не выполняются обязанности по трудовому договору» [19]. Действительно, сущность рассматриваемого наказания состоит в выполнении определенных трудовых обязанностей. Следовательно, неисполнение данных обязанностей можно рассматривать как уклонение от отбывания наказания. Однако сложно представить, что, в рамках действующего законодательства, предста-

витель организации, где работает осужденный, не зачтет время только лишь на основании некачественно выполненной работы. Формально осужденный на обязательные работы явился, от выполнения работы не уклонялся, а качество выполненной работы остается вне норм уголовно-исполнительного регулирования.

Полагаем, качество и объем выполняемой работы необходимо учитывать, применяя не только меры принуждения, но и поощрения.

В научной литературе предлагается ввести в УИК РФ статью 28.1 «Меры поощрения, применяемые к осужденным к обязательным работам, порядок их применения» [22, с. 136]. В целях поощрения за качественное выполнение работы, правопослушное поведение осужденного ученые предлагают установить: условно-досрочное освобождение [22, с. 150]; отгул либо материальное стимулирование [31, с. 128–129; 11, с. 99]; благодарность; досрочное снятие ранее наложенного взыскания; краткосрочный отпуск в период отпуска по основному месту работы или каникулы по месту учебы [18, с. 106]. В целом поддерживая представленные позиции, важно отметить, что без поощрительных мер стимулирование правопослушного поведения осужденных невозможно, а следовательно, невозможна и реализация принципа неотвратимости наказания.

Исправительные работы

Осужденные к исправительным работам осуществляют трудовую деятельность на той же должности, что и до осуждения, а цели наказания достигаются материальными ограничениями: в доход государства удерживается от 5 до 20 % заработной платы. Если осужденный до вынесения приговора не имел постоянного места работы, органы местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией должны предоставить такое место в районе места жительства осужденного.

В связи с этим имеют место организационные сложности: работодатель с большим нежеланием вынужден брать на работу осужденного, платить ему зарплату, перечислять соответствующие вычеты и выполнять иные обязанности (ст. 43 УИК). Квотирование рабочих мест для трудоустройства осужденных к исправительным работам не предусмотрено [21], а Судебная коллегия по административным делам

We believe the ratio of 8 hours of compulsory community works to 1 day of deprivation of liberty is excessively lenient. Considering that a convicted person has to work at least 2 hours a day, the ratio of 2 hours to 1 day of deprivation of liberty could have a better effect with regard to the strict and proper observance of the requirements of the sentence.

In the USA, Great Britain, and France, the punishment assignment (i.e. free community service) is carried out exclusively with the consent of the defendant [52; 58; 69; 70]. If he/she does not agree, he/she is sentenced to isolation from society [71]. Thus, already at the stage of determining the type of punishment, the potential for evasion is excluded since such a lenient sentence still has to be 'earned': the probation service must confirm in court that the convicted person deserves a lenient sentence, and his/her work skills allow him/her to be useful to society. However, rather impressive measures of influence are provided even for violations, up to long terms of imprisonment [60].

The criminal-enforcement legislation does not make it possible to take into account the quality of the labor activity carried out in any way. S. A. Bоровиков considers it necessary to amend Article 30 of the RF PEC where another case of recognition as maliciously evading will be a convict who systematically (more than twice a month) does not fulfill the established minimum standards of production or systematically does not fulfill the tasks received from a representative of the administration [3, p. 17]. A. I. Boyko defends a different point of view: '... it is not entirely correct to classify cases of labor discipline violation among the circumstances that have criminal-legal and criminal-enforcement consequences (the sentence is served, and the work commitments are not fulfilled' [19]. Indeed, the essence of the punishment in question is the execution certain work obligations. Consequently, failure to fulfill these obligations can be considered as evasion of serving a sentence. However, it is difficult to imagine that under the current legislation, the representative of the organization where the convicted person works will not credit the time only on the basis of poorly

performed work. Formally, the convicted person sentenced to compulsory community work showed up, did not evade doing the work, while the quality of the work performed remains 'outside the scope' of regulation under penal law.

We believe the quality and volume of work performed must be taken into account when applying not only coercive measures but also incentives.

In the scientific literature, it is proposed to introduce Article 28.1 of the RF PEC 'Incentives applied to convicts for compulsory community works and the procedure and application' [22, p. 136]. As a reward for the quality performance of work, law-abiding behavior of the convict, scientists propose to establish the possibility of parole [22, p. 150], the provision of time off or material incentives [31, pp. 128-129; 11, p. 99], gratitude, early withdrawal of the previously imposed penalty, provision of short-term leave during the vacation at the main place of work or vacation at the place of study [18, p. 106]. In general, while supporting the positions presented, it is important to note that without incentive measures, stimulation of law-abiding behavior of convicts is impossible, and therefore it is impossible to implement the principle of inevitability of punishment.

Corrective Labor

Persons sentenced to corrective labor carry out labor activities in the same position as before the conviction, and the goals of punishment are achieved by material restrictions: deductions from wages to state income in the amount of 5 to 20 %. If the convicted person did not have a permanent place of work before the sentencing, local self-government bodies in agreement with the penal enforcement inspectorate must provide such a place in the area of the convict's residence.

In this regard, there are organizational difficulties: the employer, with great reluctance, is forced to hire a convict, pay him/her a salary, transfer the appropriate deductions, and fulfill other obligations established by Article 43 of the RF PEC. Quotas of jobs for the employment of convicts to corrective labor are not provided [21], and

Верховного Суда РФ указала, что у органов местного самоуправления прав на установление квот и возложение обязанностей на работодателей для предоставления мест по трудоустройству осужденных нет¹. Кроме того, по месту жительства осужденного может не быть вообще никаких вакансий, а в сельских местностях единственным работодателем, как правило, выступает фермер, у которого большая часть рабочего процесса автоматизирована, что требует специальных знаний (тракториста, механизатора, оператора и т. п.), а брать на «черновую» (как на выполняемую) работу осужденного, которого не всегда возможно каким-либо образом заинтересовать, экономически нецелесообразно.

Исправительные работы – один из немногих видов наказаний, который может назначаться условно. Авторы, занимающиеся данной проблематикой, единодушны во мнении: условное осуждение к исправительным работам следует исключить из уголовного закона [33; 50, с. 107]. Действительно, как можно установить обязанность трудоустроиться (ч. 5 ст. 73 УК РФ) для условно осужденного к исправительным работам?

Уголовно-исполнительное законодательство упоминает о мерах поощрения, которые могут применяться к осужденному. Однако речь идет о поощрениях, вытекающих из трудовых отношений.

УИИ или сам осужденный могут обращаться в суд с ходатайством о снижении процента удержаний, однако удовлетворение этого ходатайства нельзя рассматривать как поощрение, поскольку такое снижение суд может удовлетворить только в случае ухудшения материального положения. При этом ни закон, ни разъяснения высшей судебной инстанции² не указывают на необходимость выяснения отношения осужденного к исправительному процессу. Юридическое значение имеют только

обстоятельства, подтверждающие ухудшение материального положения (снижение заработка, рождение ребенка или появление новых иждивенцев и т. д.).

Таким образом, каких-либо поощрительных мер для осужденного к исправительным работам уголовно-исполнительное законодательство не предусматривает. В 2003 году статья 45 УИК «Меры поощрения, применяемые к осужденным к исправительным работам» утратила силу³, она в качестве мер поощрения предусматривала сокращение срока или объема обязанностей и запретов, а также условно-досрочное освобождение. Таким образом баланс между принудительными и поощрительными мерами был нарушен.

Ученые единодушны во мнении о необходимости реанимирования мер поощрения в отношении осужденных к исправительным работам, а именно: увеличение продолжительности ежегодного оплачиваемого отпуска до 23 рабочих дней; денежная премия [45, с. 151]; благодарность; снятие ранее наложенного взыскания; снижение процента удержаний из заработка осужденного; условно-досрочное освобождение [20, с. 3]. Заслуживает поддержки позиция М. В. Ковалева: «В связи с тем, что карательные свойства данного вида наказания сводятся к материальным лишениям, поощрительный механизм также должен включать в себя финансовую составляющую, вызывая заинтересованность лица в результатах своего труда. При этом в качестве критериев, показателей подобной заинтересованности должны использоваться хорошее поведение, добросовестное отношение к выполнению своих трудовых обязанностей, отсутствие нарушений трудовой дисциплины» [18, с. 109].

Вопрос о мерах принуждения в отношении осужденных к исправительным работам решен в «классическом» варианте: за первое нарушение следует предупреждение, при втором нарушении осужденный признается злостно уклоняющимся с возможностью замены на более строгое наказание. Обращает на себя внимание

the Judicial Chamber on Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation has indicated that local governments have no rights to establish quotas and impose duties on employers to provide employment for convicts¹. In addition, there may be no vacancies at the place of residence of the convicted person. In rural areas the only employer, as a rule, is a farmer, with work processes at farms being mostly automated and, therefore, requiring special knowledge and qualifications (of a tractor driver, machine operator, operator, etc.); as to 'rough' works, it appears to be not economically unfeasible to hire a convict, who is not always interested in the quality of the work performed.

Corrective labor is one of the few types of punishment that can be conditionally imposed. The authors dealing with this issue are unanimous in the opinion: the conditional sentence to corrective labor should be excluded from the criminal law [33; 50, p. 107]. Indeed, how can you establish the obligation to find a job (part 5 of Article 73 of the Criminal Code of the Russian Federation) for a conditionally convicted person to corrective labor?!

The penal enforcement legislation mentions incentive measures that can be applied to a convicted person. However, we are talking about incentives arising from the employment relationship.

The PEI or the convicted person himself/herself can apply to the court with a request to reduce the percentage of deductions; however, the satisfaction of such a request cannot be considered as an incentive, since the court can only satisfy such a reduction if the financial situation worsens. At the same time, neither the law nor the clarifications of the highest court² indicate the need to clarify the attitude of the convicted person to the cor-

rectional process. Only the circumstances confirming the deterioration of the financial situation (decrease in earnings, the birth of a child, or the emergence of new dependents, etc.) are of legal importance.

Thus, the penal enforcement legislation does not provide for any incentive mechanisms for a person sentenced to corrective labor. In 2003, Article 45 of the RF PEC 'Incentive Measures Applied to Convicts for Corrective Labor' has lost its force³, which, as incentive measures, provided for a reduction in the term or scope of duties and prohibitions, as well as parole. Thus, the balance between coercive and incentive measures was upset.

Scientists are unanimous in their opinion on the need to reanimate incentive measures in relation to convicts to corrective labor. It is proposed as an incentive to increase the duration of the annual paid leave to 23 working days; cash bonus [45, p. 151], gratitude, removal of the previously imposed penalty, reduction in the percentage of deductions from the convict's earnings, parole [20, p. 3]. The position of M. V. Kovalev deserves our support, he has pointed out that 'due to the fact that the punitive properties of this type of punishment are reduced to material deprivation, the incentive mechanism should also include a financial component, causing a person to be interested in the results of his/her work. At the same time, good behavior, a conscientious attitude to the performance of their work commitments, and the absence of violations of labor discipline should be used as criteria and indicators of such interest' [18, p.109].

The issue of coercive measures in relation to convicts to corrective labor has been resolved in the 'classic' version: the first violation is followed by a warning; in the second violation, the convict is recognized as maliciously evading with the possibility of replacing it with a more severe punishment. Noteworthy is the discretionary nature of

¹ О признании частично не действующим постановления администрации муниципального района «Хилковский район» от 6 февраля 2015 г. [Электронный ресурс]: определение Судеб. коллегии по административным делам Верхов. Суда РФ от 26 июля 2017 г. № КГ 172. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 20 дек. 2011 г. № 21 (ред. от 18.12.2018). П. 21 // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 3.

¹ Resolution of the Judicial Board for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. KG 172 of July 26, 2017 'On the Recognition of the Resolution of the Administration of the Municipal District 'Khiloksky District' of February 6, 2015 as Partially Invalid. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

² Clause 21 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 of December 20, 2011 'On the Practice of Applying by Courts of the Legislation on the Execution of a Sentence' (as amended on 18.12.2018). *The Bulletin of the Penal and Correctional System*. 2012. No. 3.

³ Federal Law No. 161-FZ of December 8, 2003 'On Bringing the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Other Legislative Acts into Compliance with the Federal Law 'On Introducing Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation'. *Russian Gazette*. December 16, 2003. No. 252.

диспозитивный порядок замены наказания. Суд **может** заменить неотбытое наказание принудительными работами или лишением свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за три дня исправительных работ (ч. 4 ст. 50 УК РФ). Примечательно, что применительно к обязательным работам замена на более строгое наказание для суда является обязанностью (ч. 3 ст. 49 УК). Кроме того, повторность нарушения никак не «привязана» ко времени совершения. Гипотетически первое нарушение может быть совершено в начале отбывания наказания, второе – ближе к окончанию.

Пропорция замены исправительных работ на лишение свободы (1:3), на наш взгляд, также не способствует реализации принципа неотвратимости наказания. Смоделируем ситуацию: лицо, уклоняющееся от уплаты средств на содержание своего несовершеннолетнего ребенка, может быть приговорено к исправительным работам на срок до одного года (ч. 1 ст. 157 УК). В случае злостного уклонения данный вид наказания может быть заменен максимально на 4 месяца лишения свободы. В то же время санкция части 1 статьи 157 УК предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до одного года. Получается, что за одно и то же преступление, но при злостном уклонении от отбывания наказания, срок лишения свободы будет меньше, хотя аналогичное наказание, по санкции данной нормы, установлено более жесткое.

О чувстве безнаказанности, безответственном отношении осужденных к своим обязанностям свидетельствуют материалы практики. Например, осужденный В. в своем объяснении не отрицал двух фактов уклонения от отбывания исправительных работ в виде неявки по месту работы, пояснил, что отказывается от отбывания наказания в виде исправительных работ¹. В объяснениях осужденных по факту уклонения от работ довольно часто звучит: «забыл явиться по предписанию»²; «не устраивает предложенная работа»³; «не было умысла ук-

лоняться»⁴; «уволился, чтобы найти более высокооплачиваемую работу, но найти достойную работу оказалось затруднительно»⁵; «не смогла заставить на месте сотрудников отдела кадров»⁶. Полагаем, решение данной проблемы лежит в плоскости усиления ответственности за уклонение от отбывания исправительных работ, например один день исправительных работ – за один день лишения свободы. Замена на принудительные работы, на наш взгляд, нецелесообразна. Законодатель указал, что принудительные работы являются альтернативой меры лишения свободы, когда суд придет к решению, что исправление возможно «без реального отбывания наказания в местах лишения свободы» (ч. 1 ст. 53¹ УК). И если «мягкое» наказание в виде исправительных работ оказалось неэффективным, логичен вывод о замене на действительно строгое наказание – лишение свободы.

Ограничение свободы

Данный вид наказания можно назвать относительно новым. Несмотря на то что уголовный закон изначально предусматривал ограничение свободы, фактическая реализация данного вида наказания началась только с 2009 г., когда Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ было полностью изменено его содержание. Ранее предполагалось, что данный вид наказания должен отбываться в исправительном центре. Ввиду отсутствия экономических возможностей введения в эксплуатацию данных центров ограничение свободы с 2009 года представляет собой наказание, сходное с мерой пресечений в виде домашнего ареста. Отдельные исследователи отмечают значительное сходство с условным осуждением и даже предлагают отказаться от последнего в пользу ограничения свободы [25].

Надзор за лицами, осужденными к ограничению свободы, может осуществляться как с применением технических средств, так и без таковых. Решение о применении т. н. «электронных браслетов» принимается руководителем УИИ «в соответствии с ограничениями,

¹ Постановление Воронежского областного суда по делу № 22-480/2016. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5>.

² Постановление Ивановского областного суда по делу № 22-41/2012 (22-4058/2011;). URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5>.

³ Ивановский областной суд. Дело № 22-1285/2014. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5>.

⁴ Определение Воронежского областного суда по делу № 22-2506/2010. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#https>.

⁵ Постановление Ивановского областного суда. Дело № 22-2522/2014. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5>.

⁶ Определение Ивановского областного суда. Дело № 22-5/2013 (22-3062/2012;). URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#https>.

the procedure for replacing punishment. In accordance with part 4 of Article 50 of the Criminal Code, the court **may** replace the remaining part of the term of corrective labor by the forced labor or deprivation of liberty at the rate of one day of forced labor or one day of deprivation of liberty per three days of corrective labor. It is noteworthy that in relation to compulsory work, replacement with a more severe punishment is an obligation for the court (part 3 of Article 49 of the Criminal Code). In addition, the repetition of the violation is in no way 'tied' to the time of the commission. Hypothetically, the first violation can be committed at the beginning of serving the sentence, the second – closer to the end.

The proportion of replacement of corrective labor with deprivation of liberty (1:3), in our opinion, does not contribute to the achievement of the principle of inevitability of punishment. Let us simulate the situation: a person who avoids paying funds for the maintenance of his/her minor child may be sentenced to corrective labor for up to one year (part 1 of Article 157 of the Criminal Code). In the case of malicious evasion of serving this type of punishment, it may be replaced by a maximum of 4 months of deprivation of liberty. At the same time, the sanction of part 1 of Article 157 of the Criminal Code provides for punishment in the form of imprisonment for up to one year. It turns out that for one crime, but in case of malicious evasion of serving the sentence, the term of imprisonment will be less than the possible similar punishment provided for by the sanction of this norm.

The sense of impunity, the irresponsible attitude of convicts to their duties is confirmed by practice. For example, convicted V. in his handwritten explanation did not deny two facts of evasion of corrective labor in the form of unjustified absence, explained that he refused to serve a sentence in the form of corrective labor¹. Irresponsible attitude on the fact of evasion occurs quite often in the explanations of convicts: 'I forgot to appear according to the order'², 'I am not satisfied with the offered job'³, 'there was no intention to

evade'⁴, 'I quit to find a higher-paying job, but it turned out to be difficult to find a decent job'⁵, 'I could not find the personnel department employees on the spot'⁶. We believe that the solution to this problem is seen in increasing responsibility for evading corrective labor, for example, one day of corrective labor per one day of deprivation of liberty. Replacement with forced labor, in our opinion, is inappropriate. The legislator has indicated that forced labor is an alternative to deprivation of liberty when the court comes to a conclusion that correction is possible 'without actually serving the sentence in places of deprivation of liberty' (part 1 of Article 53.1 of the Criminal Code). And if the 'lenient' punishment in the form of corrective labor turns out to be ineffective, it appears to be logical to replace it with a really severe punishment – deprivation of liberty.

Restriction of Liberty

This type of punishment can be called relatively new. Despite the fact that the criminal law initially provided for the restricted liberty, the actual implementation of this type of punishment began only in 2009, when the content was completely changed by the Federal Law No. 377-FZ of December 27, 2009. Previously, it was assumed that this type of punishment should be served in a correctional center. Due to the lack of economic opportunities for the commissioning of these centers, the restricted liberty has been a punishment similar to the measure of restraint in the form of house arrest since 2009. Some researchers note significant similarities with conditional conviction and even propose to abandon the latter in favor of restricted liberty [25].

Supervision over persons sentenced to restricted liberty can be carried out both with the use of technical means and without them. The decision to use the so-called 'electronic bracelets' is made by the head of the Penitentiary Institute 'in accordance with the restrictions imposed by the court

⁴ Decision of the Voronezh Regional Court in case No. 22-2506/2010. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#https>.

¹ Ruling of the Voronezh Regional Court in case No. 22-480/2016. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/big5>.

² Ruling of the Ivanovo Regional Court in case No. 22-41/2012 (22-4058/2011). Available at: <https://bsr.sudrf.ru/big5>.

³ Ivanovo Regional Court in case No. 22-1285/2014. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/big5>.

⁵ Ruling of the Ivanovo Regional Court in case No. 22-2522/2014. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/big5>.

⁶ Decision of the Ivanovo Regional Court in case No. 22-5/2013 (22-3062/2012). Available at: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#https>.

установленными осужденному судом, на основании сведений, характеризующих его личность, а также исходя из технической возможности установки соответствующего оборудования»¹ и оформляется постановлением. Нормативно не определено, что следует понимать под такими сведениями. На практике решение о применении «электронных браслетов» чаще всего принимается исходя из технических возможностей, а не характеристики личности. Учитывая, что ношение такого браслета существенно ухудшает положение осужденного, полагаем решение о применении электронных средств должно быть основано на доказанных фактах нарушения условий отбывания наказания, т. е. как мера принуждения.

В настоящее время данный вид наказания по набору мер поощрения и принуждения отличается достаточно качественной проработкой, что можно объяснить относительной «молодостью» нормативного регулирования данного вида наказания.

Так, статья 57 УИК РФ в качестве мер поощрения предусматривает благодарность, досрочное снятие ранее наложенного взыскания, разрешение на проведение за пределами территории соответствующего муниципального образования выходных и праздничных дней, а также отпуска.

К поощрительным мерам можно отнести возможность частичной отмены ограничений по представлению уголовно-исполнительной инспекции (ч. 3 ст. 53 УК), кроме тех, которые, в силу положений части 1 статьи 53 УК, являются обязательными: ограничение на изменение места жительства или пребывания без согласия УИИ, выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования без согласия УИИ². Однако практика свидетельствует о нежелании судов удовлетворять подобные представления в сторону улучшения положения осужденного. Так, в апелляционном постановлении Красноярского краевого суда указано, что «рекомендуемый дважды в год

осмотр ребенка осужденного аллергологом, необходимость прохождения обучения (повышения квалификации), наличие заболеваний у ФИО16 в своей совокупности не могут являться достаточными для освобождения осужденного от установленного ему приговором Железнодорожного городского суда ограничения в виде запрета на выезд за пределы ЗАТО <адрес>»³.

Часть 3 статьи 53 УК допускает возможность наложения дополнительных ограничений. В этом плане практика богата примерами. Как правило, с представлением о наложении дополнительных ограничений УИИ обращается после вынесенного первого предупреждения о недопустимости нарушения ограничений⁴. В то же время наложение дополнительных ограничений не может происходить произвольно, только по факту подозрения на предмет совершения в будущем противоправных действий. Так, суд апелляционной инстанции отверг «доводы инспекции о том, что в ночное время В. может совершить правонарушение или преступление, а потому в отношении В. необходимо усилить контроль, объективно это ничем не подтверждено. Ссылается на пояснения В., который не отрицал, что не находился в ночное время дома, на пояснения представителя инспекции С. о том, что за весь период отбывания наказания в виде ограничения свободы замечаний со стороны инспекции к В. не имелось, при том за время отсутствия по месту проживания административных правонарушений и преступлений, аморальных поступков он не совершал... Ссылка суда на отрицательные характеристики осужденного, на его склонность к асоциальному поведению в ночное время суду апелляционной инстанции представляется малоубедительной. Такие данные, вопреки требованиям закона, приняты во внимание судом с учетом факта осуждения В. за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, в ночное время, что не допустимо»⁵.

³ Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 19.11.2013 г. № 22-8497/2013 по делу № 22-8497/2013. URL: <https://sudact.ru>.

⁴ См., например: апелляционное постановление Белгородского обл. суда. № 22-1236/2020 от 19.10.2020 г. по делу № 4/17-35/2020. URL: <https://sudact.ru>.

⁵ Апелляционное постановление Омского обл. суда от 28.07.2020 г. № 22-1676/2020 по делу № 4/17-24/2020. URL: <https://sudact.ru>.

on the convicted person on the basis of information characterizing his/her personality, as well as based on the technical feasibility of installing the appropriate equipment¹ and is formalized by a resolution. It is not normatively defined what should be understood by such information. In practice, the decision to use 'electronic bracelets' is most often determined on the basis of technical capabilities rather than personality characteristics. Considering that wearing such a bracelet significantly worsens the position of the convict, we believe the decision to use electronic means should be based on proven facts of violation of the terms of serving the sentence, i.e. as a measure of coercion.

Currently, in terms of the set of measures of encouragement and coercion, this type of punishment is distinguished by a sufficiently detailed elaboration, which we believe can be explained by the relative 'youth' of the normative regulation of this type of punishment.

For example, as incentive measures, Article 57 of the RF PEC provides for gratitude, early withdrawal of the previously imposed penalty, permission to spend weekends and holidays outside the territory of the respective municipality, and permission to spend leave outside the territory of the respective municipality.

Incentive measures include the possibility of partial abolition of restrictions on the submission of the penal enforcement inspectorate (part 3 of Article 53 of the Criminal Code), except for those that, by virtue of the provisions of Part 1 of Article 53 of the Criminal Code, are mandatory: restriction on changing the place of residence or stay without the consent of the Penitentiary Institute, leaving the territory of the relevant municipality without the consent of the Penitentiary Institute². However, practice shows the reluctance of the courts to satisfy such views in favor of improving the situation of the convicted person. For example, in the appeal resolution of the Krasnoyarsk Regional Court it is

¹ Clause 34 of the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 258 of October 11, 2010 'On Approval of the Instructions for Organizing the Execution of Punishment in the Form of Restriction of Freedom' (registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation on 21.10.2010 No. 18780) (as amended on 02.11.2016). *Russian Gazette*. October 27, 2010. No. 243.

² See, for example: Cassation Decision of the Novgorod Regional Court No. 4/17-11-22-555/2012 of April 17, 2012 in case No. 22-555/2012. Available at: <https://sudact.ru>.

stated that 'the recommended twice a year examination of a convicted child by an allergist, the need for training (advanced training), the presence of diseases in FULL NAME16, in their totality, cannot be sufficient to release the convict from the Zheleznogorsk city court restrictions in the form of a ban on leaving the Closed Administrative-Territorial Unit <address>'³.

Part 3 of Article 53 of the Criminal Code allows for the possibility of imposing additional restrictions. In this vein, the practice is rich in examples. As a rule, the PEI applies to the submission of additional restrictions after the first warning about the inadmissibility of violating the restrictions⁴. At the same time, the imposition of additional restrictions cannot occur arbitrarily, only on the fact of suspicion of committing unlawful actions in the future. Thus, the appellate court rejected 'the arguments of the inspection that at night V. could commit an offense or crime, and therefore in relation to V. it is necessary to strengthen control, objectively not confirmed by anything. It referred to the explanations of V., who did not deny that he had not been at home at night, to the explanations of the representative of the inspection S. that for the entire period of serving a sentence in the form of restricted liberty, the inspection had made no remarks concerning V. and there had been no administrative offenses and crimes, and V. had not committed any immoral acts while he was absent from the place of residence. The reference of the court to the negative characteristics of the convicted person and to his tendency to antisocial behavior at night seems unconvincing to the court of appeal. Such data, contrary to the requirements of the law, were taken into account by the court, taking into account the fact that V. was convicted for committing a crime under part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation at night, which is unacceptable'⁵.

³ Appellate Ruling of the Krasnoyarsk Regional Court No. 22-8497/2013 of November 19, 2013 in case No. 22-8497/2013. Available at: <https://sudact.ru>.

⁴ See, for example: Appellate Ruling of the Belgorod Regional Court No. 22-1236/2020 of October 19, 2020 in case No. 4/17-35/2020. Available at: <https://sudact.ru>.

⁵ Appellate ruling of the Omsk Regional Court No. 22-1676/2020 of July 28, 2020 in case No. 4/17-24/2020. Available at: <https://sudact.ru>.

Ответственность за нарушение порядка отбывания наказания в виде ограничения свободы предусмотрена статьей 58 УИК. Данная норма содержит исчерпывающий перечень видов нарушений порядка и условий отбывания в режиме ограничения свободы. Помимо тех ограничений, которые определяются судом в приговоре, нарушение общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности, является одним из видов нарушений (п. «д» ч. 1 ст. 58 УИК). На наш взгляд, законодатель необоснованно сузил перечень административных деликтов, имеющих уголовно-исполнительное значение. Административные правонарушения, связанные с посягательством на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность (гл. 6 КоАП), на собственность (гл. 7 КоАП), также свидетельствуют об отсутствии исправительного эффекта.

В случае первого нарушения УИИ применяет меры взыскания в виде предупреждения. Если в течение года после вынесенного предупреждения осужденный вновь нарушит ограничения, выносится официальное предостережение. После официального предостережения осужденный, допустивший нарушение ограничений в течение года, признается злостно уклоняющимся. То есть для признания злостно уклоняющимся необходимо юридическое подтверждение трех нарушений.

Осужденный, отказавшийся от использования в отношении его технических средств надзора и контроля, либо скрывшийся с места жительства, либо не прибывший в УИИ, если ограничение свободы является дополнительным наказанием или замененным в порядке статьи 80 УК, также признается злостно уклоняющимся. В этом случае его предшествующее поведение юридического значения не имеет. Такие нарушения носят однократный характер.

Еще одной негативной мерой воздействия можно признать незачет в срок наказания времени, в течение которого осужденный самовольно отсутствовал по месту жительства без уважительных причин¹. Несмотря на очевид-

ную необходимость существования такой меры, единственным возражением на этот счет является то обстоятельство, что УИК данную меру не предусматривает.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, несмотря на зафиксированные нарушения, замена ограничения свободы на более строгое является правом суда, а не обязанностью. Критически следует оценить и пропорцию замены 1:2. Как и в случаях с наказаниями в виде обязательных исправительных работ, такое соотношение, на наш взгляд, является достаточно мягким, что в ряде случаев порождает чувство безнаказанности у осужденного.

Злостно уклоняющемуся ограничение свободы может быть заменено на принудительные работы или лишение свободы (ч. 5 ст. 53 УК). Противоречит данному требованию положение УИК, где указано, что замена допускается только на лишение свободы (ч. 5 ст. 58 УИК). Данные нормы, по существу, коллизионны, М. А. Кауфман полагает, что межотраслевая коллизия должна решаться в пользу уголовного закона, так как вопросы назначения наказания и его замены – это прежде всего вопросы материального права [16, с. 53]. На практике суды игнорируют возможность замены на принудительные работы.

Отдельные авторы считают, что мер воздействия в УИК предусмотрено недостаточно, и предлагают «подключить резервы» административного права [32, с. 120] либо предусмотреть возможность кратковременного помещения осужденного в следственный изолятор [44, с. 44]. Учитывая, что уголовное законодательство позволяет увеличивать количество ограничений, а процесс исполнения наказания должен стимулироваться уголовно-правовыми средствами, полагаем, нельзя поддержать идею привлечения к административной ответственности за нарушение требований уголовного законодательства.

Отдельного внимания заслуживают вопросы о мерах взыскания, когда ограничение свободы назначено в качестве дополнительного наказания. В случае признания злостно уклоняющимся осужденный привлекается к ответственности по статье 314 УК. С позиции последствий для осужденного максимальный срок пребывания в колонии, как если бы происходила замена в пропорции 1:2 или осуждение по

Responsibility for violation of the order of serving the sentence in the form of restricted liberty is provided for by Article 58 of the RF PEC. This norm also provides an exhaustive list of types of violations of the order and conditions for serving the restricted liberty. In addition to the restrictions that are determined by the court in the verdict, the violation of public order, for which the convicted person was brought to administrative responsibility, is one of the types of violations (paragraph 'd', part 1 of Article 58 of the RF PEC). In our opinion, the legislator has unreasonably narrowed down the list of administrative offenses of criminal-enforcement significance. Administrative offenses infringing on health, sanitary and epidemiological well-being of the population and public morality (Chapter 6 of the Administrative Code), in the field of property protection (Chapter 7 of the Administrative Code), also indicate the absence of a corrective effect.

In the case of the first violation, the PEI applies penalties in the form of a warning. If, within a year after the issued warning, the convicted person violates the restrictions again, an official warning is issued. After an official warning, the convicted person who has violated the restrictions for a year is recognized as maliciously evading, i.e. to be recognized as maliciously evading, legal confirmation of three violations is required.

A convicted person who has refused to use technical means of supervision and control in relation to him/her, or who has fled from his/her place of residence, or who has not stayed in a penitentiary institution if the restricted liberty is an additional punishment or replaced in accordance with Article 80 of the Criminal Code, the convict is also recognized as maliciously evading. In this case, his/her previous behavior has no legal value. Such violations are one-off.

Another negative measure of influence can be recognized as the failure to set in the term of punishment the time during which the convicted person was absent from the place of residence without reason¹. Despite the obvious necessity of such a

measure, the only objection in this regard is the fact that the RF PEC does not provide for this measure.

Attention is drawn to the fact that, despite the violations recorded, replacing the restricted liberty with a stricter one is the right of the court, and not an obligation. The proportion of replacement 1:2 should also be critically assessed. As in the cases with punishments in the form of compulsory corrective labor, such a ratio, in our opinion, is rather mild, which in some cases gives rise to a feeling of impunity for the convicted person.

For a maliciously evading person, the restricted liberty may be replaced by forced labor or imprisonment (part 5 of Article 53 of the Criminal Code). The provision of the RF PEC contradicts this requirement as the RF PEC states that there can only be replacement with deprivation of liberty (part 5 of Article 58 of the RF PEC). These norms are essentially conflicting. M. A. Kaufman believes that intersectional conflict should be resolved in favor of the criminal law because the issues of sentencing and its replacement are, first of all, issues of substantive law [16, p. 53]. In practice, the courts ignore the possibility of replacement for forced labor.

Some authors believe that the measures of influence are not enough in the RF PEC and propose to 'employ the reserves' of administrative law [32, p. 120] or provide for the possibility of a short-term placement of the convicted person in a pre-trial detention center [44, p. 44]. Taking into account that the criminal legislation allows increasing the number of restrictions, and the process of execution of punishment should be stimulated by criminal law resources, we believe it is impossible to support the idea of bringing to administrative responsibility for violation of the requirements of criminal legislation.

Special attention should be paid to the issues of penalties when the restricted liberty is imposed as an additional punishment. If recognized as maliciously evading, the convicted person is brought to justice under Article 314 of the Criminal Code. From the standpoint of the consequences for the convicted person, the maximum period of stay in a penal colony is the same as if there was a replacement in a ratio of 1:2 or conviction under

¹ Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы: приказ Минюста России от 11 окт. 2010 г. № 258: зарегистр. 21.10.2010 № 18780 (ред. от 02.11.2016) П. 22, 23 // Рос. газета. 2010. 27 окт.

¹ Clauses 22, 23 of the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 258 of October 11, 2010 'On Approval of the Instructions for Organizing the Execution of Punishment in the Form of Restriction of Freedom' (registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation on 21.10.2010 No. 18780) (as amended on 02.11.2016). *Russian Gazette*. October 27, 2010. No. 243.

части 1 статьи 314 УК, одинаков: максимальный срок лишения свободы составляет в обоих случаях 1 год. Правовые последствия заключаются в признании рецидива. Ранжированный подход законодателя к последствиям злостного уклонения от отбывания ограничения свободы (в зависимости от того, основной или дополнительный) объясняется конституционной гарантией запрета двойной ответственности за одно правонарушение. Заменить дополнительное наказание другим означает применение двух основных наказаний за одно преступление. В случае привлечения к ответственности по статье 314 УК осужденный наказывается за неисполнение приговора суда, а не за ранее совершенное преступление.

Подобный подход, на наш взгляд, вполне применим и к другим смешанным видам наказаний (штраф и лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью). Проектируемая часть 1 статьи 314 УК РФ могла бы содержать указание не только на ограничение свободы, но и на штраф и лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью.

Принудительные работы

Несмотря на отражение в наименовании наказания дефиниции «работы», принудительный характер наказания прежде всего отражается в том, что осужденный ограничивается в свободе передвижения. Принудительные работы введены в действие статьей 53¹ УК в 2011 г., но фактическая реализация данного наказания началась только с 2017 г. Принудительные работы представляют собой некий гибрид между наказаниями, связанными и не связанными с изоляцией от общества. С одной стороны, требования, касающиеся соблюдения условий пребывания в исправительном центре (далее – ИЦ), очень близки к условиям, характерным для колоний-поселений, с другой стороны, законодатель поместил данный вид наказания в раздел II УИК «Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества». Большая группа ученых видит в данном виде наказания больше сходных моментов с лишением свободы, нежели с наказаниями, не связанными с изоляцией от общества [1, с. 221; 15; 26, с. 56; 39, с. 156; 40, с. 156].

В процессе назначения и исполнения рассматриваемого наказания практика столкнулась с непреодолимыми сложностями, о которых много писали в научной литературе.

В результате в 2018 г. были внесены определенные нормативные коррективы. В частности, в силу того, что принудительные работы являются альтернативой лишения свободы и назначаются в качестве замены меры лишения свободы на срок не более 5 лет, возникал вопрос с заменой в порядке статьи 80 УК. Теперь в таких случаях принудительные работы могут превышать пятилетний срок (ч. 2, 4 ст. 53¹ УК). Уточнена редакция части 6 статьи 53¹ УК: замена принудительных работ на лишение свободы допускается при «простом» уклонении либо в случае признания осужденного «злостным нарушителем порядка и условий отбывания наказания».

Введение в действие ИЦ во всех субъектах РФ было связано с определенными организационно-экономическими трудностями, требовалось определить дополнительные ресурсы для фактической реализации данного вида наказания.

С 2020 г.¹ допускается отбывание осужденным срока в регионе при письменном его личном заявлении или родственника там, где проживает данный родственник, или в наиболее приближенном географически районе. Законодательно разрешен вопрос перевода из одного ИЦ в другой. Основаниями для такого перевода могут быть болезнь осужденного, необходимость обеспечения его личной безопасности, реорганизация или ликвидация ИЦ, иные исключительные обстоятельства, а также письменное личное заявление или его родственника о переводе в связи с проживанием в другом регионе близкого человека. Последнее основание для перевода может быть использовано только один раз, а оплата переезда осуществляется самим осужденным. Подвержены коррекции сроки исчисления принудительных работ. Теперь один день содержания под стражей приравнивается к двум дням принудительных работ (ч. 2 ст. 60³ УИК).

Самым обсуждаемым нововведением стала возможность организации работы осужденных к

¹ О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 1 апр. 2020 г. № 96-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

under part 1 of Article 314 of the Criminal Code: the maximum imprisonment is 1 year in both cases. The legal consequences are the recognition of recidivism. The ranked approach of the legislator to the consequences of malicious evasion of serving the restricted liberty (depending on whether it is basic or additional) is explained by the constitutional guarantee of the prohibition of double responsibility for one offense. Replacing an additional punishment with another means the application of two main punishments for one offense. In case of prosecution under Article 314 of the Criminal Code, the convicted person is punished for non-execution of a court sentence and not for a previously committed crime.

This approach, in our opinion, is quite applicable to other mixed types of punishment (fine and deprivation of the right to hold a certain position or engage in certain activities). Part 1 of Article 314 of the Criminal Code of the Russian Federation could contain an indication not only of restricted liberty but also of a fine and deprivation of the right to hold a certain position or engage in certain activities.

Compulsory Labor

Despite the fact that the definition of ‘labor’ is reflected in the name of the punishment, the compulsory nature of the punishment is primarily reflected in the fact that the convicted person is restricted in freedom of movement. Compulsory labor was introduced in Article 53¹ of the Criminal Code in 2011, but the actual application of this punishment began only in 2017. Compulsory labor is a kind of hybrid between punishment related and unrelated to isolation from society. On the one hand, the requirements regarding compliance with the conditions of detention in a correctional center are very close to conditions typical for penal settlements; on the other hand, the legislator placed this kind of punishment in Section II of the RF PEC ‘Execution of punishment not related to the isolation of a convicted person from society’. A large group of scientists find this type of punishment rather similar with imprisonment than with punishment not related to isolation from society [1, p. 221; 15; 26, p. 56; 39, p. 156; 40, p. 156].

In the process of imposing and executing the punishment under consideration, the practice encountered insurmountable difficulties, which have been written about a lot in the scientific literature.

As a result, certain regulatory adjustments were made in 2018. In particular, due to the fact that compulsory labor is an alternative to deprivation of liberty and is imposed as replacement for deprivation of liberty for a period of no more than 5 years, there arose a question of replacement in terms of Article 80 of the Criminal Code. Now, in such cases, compulsory labor can exceed a five-year term (parts 2, 4 of Article 53¹ of the Criminal Code). The wording of part 6 of Article 53¹ of the Criminal Code was clarified: the replacement of compulsory labor by deprivation of liberty is allowed for ‘simple’ evasion or when the convicted person is recognized as a ‘persistent violator of the order and conditions of serving the sentence’.

The introduction of correctional centers into operation in all regions of the Russian Federation presented certain organizational and economic difficulties, so it was necessary to find additional resources which can be involved in the actual implementation of this type of punishment.

Since 2020¹, a convicted person is allowed upon a written application from his/her relative or the convict’s personal application to serve the punishment in the region where this relative lives or in the geographically closest region. The issue of transfer from one correctional center to another is legally resolved. The grounds for such transfer may be the illness of the convicted person, the necessity to ensure his/her personal safety, the reorganization or liquidation of the correctional center, other exceptional circumstances, as well as a written personal application or relative’s application for transfer in connection with the residence of a close relative in another region. The latter reason for the transfer can be used once only and the transfer is paid for by the convicted person himself/herself. Compulsory labor terms calculation has to be corrected. Now one day of confinement is equal to two days of compulsory labor (part 2 of Article 60³ of the RF PEC).

The most discussed innovation is the possibility to organize the work of those sentenced to

¹ Federal Law No. 96-FZ of April 1, 2020 ‘On Introducing Amendments to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation’. Available at: <http://www.pravo.gov.ru>.

принудительным работам на гражданских предприятиях. По существу, возможность осужденных трудиться на гражданских объектах не нова. В соответствии с пунктом 3 статьи 17 закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», осужденные могут привлекаться к оплачиваемому труду «на объектах организаций любых организационно-правовых форм, расположенных на территориях учреждений, исполняющих наказания, и вне их». Но, учитывая, что данный закон регламентирует вопросы работы исправительных учреждений по исполнению приговора о лишении свободы, применение данных положений относительно исправительных работ было недопустимо.

Данные нововведения содержат требования к предприятиям о безвозмездном предоставлении имущества. Согласно типовому договору между исправительным центром и организацией, использующей труд осужденных к принудительным работам, находящихся на участке исправительного центра, расположенном вне территории исправительного центра, организация обязана обеспечить их работой в соответствии с состоянием здоровья и квалификацией, средствами труда, предоставить общежитие из расчета 4 кв. м на человека (ч. 1 ст. 60⁵ УИК), выполнить требования техники безопасности, информировать исправительный центр о нарушении трудовой дисциплины, беспрепятственно пропускать сотрудников ИЦ. В свою очередь, ИЦ должен подобрать потенциальных работников, обеспечить порядок и условия отбывания наказания¹. В настоящее время такие объекты уже начали функционировать.

Кроме того, подзаконные нормативно-правовые акты были приведены в соответствие с действующим законодательством. Так, еще до начала реализации меры принудительных работ Минюстом России был разработан Порядок применения технических средств надзора и контроля к осужденным к принудительным работам, который предусматривал возможность применения средств персонального надзора и

контроля². В настоящее время существующий Порядок применения технических средств надзора и контроля к осужденным к принудительным работам³ не вступает в противоречие с федеральным законодательством.

По состоянию на 1 апреля 2021 г. в России на учете 29 исправительных центров и 82 изолированных участков, функционирующих как исправительные центры, состоят 6483 осужденных к принудительным работам. По состоянию на 1 февраля 2021 г. в Курской области (на территории Курчатовского района) имеется 1 изолированный участок, функционирующий как исправительный центр, с лимитом наполнения 80 человек.

Обращаясь к заявленной тематике, следует отметить, что законодатель довольно подробно регламентировал перечень мер поощрения и взыскания, что дает основание полагать о возможности фактической реализации принципа неотвратимости наказания в его уголовно-исполнительном аспекте понимания.

В соответствии со статьей 60.13 УИК, к мерам поощрения относятся благодарность, досрочное снятие ранее наложенного взыскания, предоставление возможности выезда в выходные и праздничные дни.

Также к мерам поощрения можно отнести возможность краткосрочного выезда за пределы ИЦ до пяти дней (ч. 3 ст. 60.4 УИК). Несмотря на то что данный выезд преследует цели решения неотложных социально-бытовых и других вопросов, сложно представить, чтобы администрация ИЦ разрешила такой выезд отрицательно характеризующемуся осужденному. Поощрительной мерой можно признать и разрешение проживать с семьей на арендованной или собственной жилой площади за пределами ИЦ, но в пределах муниципального образования (ч. 6 ст. 60.4 УИК). Возможность выезда за пределы ИЦ в период отпуска тоже является, по сути, мерой поощрения (ч. 7 ст. 60.4 УИК).

² Об утверждении Порядка применения технических средств надзора и контроля к осужденным к принудительным работам: приказ Минюста России от 1 ноября 2016 г. № 250 // Бюл. нормат. актов федер. органов исполнит. власти. 2016. № 49. (Утратил силу.)

³ Об утверждении Порядка применения технических средств надзора и контроля к осужденным к принудительным работам: приказ Минюста России от 19 сент. 2017 г. № 170 (зарегистр. в Минюсте России 25.09.2017 № 48313). URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

compulsory labor at civilian enterprises. In fact, the possibility of convicts to work at civilian facilities is not new. In accordance with Clause 3 of Article 17 of the Law of the Russian Federation 'On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Deprivation of Liberty', convicts can be involved in paid work 'at the facilities of any organizational and legal forms located on the premises of institutions executing punishment and outside them'. However, given that this law regulates the work of correctional centers for execution of deprivation of liberty, application of these provisions regarding correctional labor was not permissible.

Due to these innovations, enterprises are required to provide property free of charge. In accordance with the standard-form contract between the correctional center and the organization that uses the labor of those sentenced to compulsory labor on the site of the correctional center located outside the territory of the correctional center, the organization is obliged to provide them with work in accordance with the state of health and qualifications, working equipment, provide a hostel at the rate of 4 square meters per person (part 1 of Article 60⁵ of the RF PEC), comply with safety requirements, inform the correctional center about violations of labor discipline, and provide unrestricted access for the correction center officers. In turn, the correctional center must select potential employees and ensure the order and conditions of serving the sentence¹. Currently, such facilities are already in operation.

Moreover, the subordinate regulations were brought into compliance with the current legislation. Thus, even before the start of the implementation of compulsory labor, the Ministry of Justice of the Russian Federation developed a Procedure for applying technical means of supervision and control to those sentenced to compulsory labor, which provided for the possibility of using personal supervi-

sion and control means². Currently, the existing Procedure for applying technical means of supervision and control to those sentenced to compulsory labor³ does not conflict with Federal legislation.

As of April 1, 2021, 6,483 persons sentenced to compulsory labor were registered in 29 correctional centers and 82 isolated sites functioning as correctional centers in Russia. As of February 1, 2021, there was 1 isolated site in the Kursk region (the Kurchatov district) functioning as a correctional center for 80 people.

Returning to the stated topic, it should be noted that the legislator regulated in considerable detail the list of incentive and disciplinary measures, which suggests that it is possible to implement the principle of the inevitability of punishment in its criminal-executive aspect of understanding.

In accordance with Article 60.13 of the RF PEC, the incentive measures include commendation, early remission of a previously imposed penalty, providing the opportunity to leave on weekends and holidays.

In addition to the mentioned above, the incentive measures include the possibility of short-term time off outside the correctional center for up to five days (part 3 of Article 60.4 of the RF PEC). Despite the fact that this time off is aimed at solving urgent social and other issues, it is difficult to imagine that the administration of the correctional center would allow such time off to a negatively characterized convict. Permission to live with a family in their own or rented accommodation outside the correctional center but within the municipality can also be recognized as an incentive measure (part 6 of Article 60.4 of the RF PEC). The possibility of leaving the correctional center during the vacation period is also, in fact, an incentive measure (part 7 of Article 60.4 of the RF PEC).

² Order of the Ministry of Justice of Russia No. 250 of November 1, 2016 'On Approval of the Procedure for the Application of Technical Means of Supervision and Control in Relation to Persons Sentenced to Compulsory Labor'. *Bulletin of Federal Agency Regulations*. 2016. No. 49. (Invalid).

³ Order of the Ministry of Justice of Russia No. 170 of September 19, 2017 'On Approval of the Procedure for the Application of Technical Means of Supervision and Control in Relation to Persons Sentenced to Compulsory Labor' (registered in Ministry of Justice of Russia on 25.09.2017 No. 48313). Available at: <http://www.pravo.gov.ru>.

¹ Об утверждении типового договора между исправительным центром и организацией, использующей труд осужденных к принудительным работам, находящихся на участке исправительного центра, расположенном вне территории исправительного центра: приказ ФСИН России от 17 дек. 2019 г. № 1138 (зарегистр. в Минюсте России 24.01.2020 № 57273). URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

¹ Order of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 1138 of December 17, 2019 'On Approval of a Standard Contract Between a Correctional Center and an Organization That Uses the Labor of Persons Sentenced to Compulsory Labor Who Are Located on the Site of the Correctional Center Situated Outside the Territory of the Correctional Center' (registered in the Ministry of Justice of Russia on 24.01.2020 No. 57273). Available at: <http://www.pravo.gov.ru>.

По существу, перечень мер поощрения, прямо предусмотренных УИК или косвенно проистекающих из отдельных положений, может быть положен в основу иных видов наказаний.

К мерам взыскания относятся выговор, отмена права проживания вне общежития, водворение в помещение для нарушителей на срок до 15 суток (ст. 60.14 УИК). Кроме того, в срок принудительных работ не засчитывается время самовольного отсутствия осужденного в ИЦ (ч. 3 ст. 60.3 УИК).

«Классическое» для наказаний без изоляции от общества «злостное уклонение» от принудительных работ законом не предусмотрено. УИК оперирует терминологией «злостное нарушение порядка и условий отбывания принудительных работ» и «злостный нарушитель» (ч. 2, 3 ст. 60.15 УИК РФ), УК также указывает на «злостного нарушителя порядка и условий отбывания» (ч. 6 ст. 53¹ УК). В этой связи Пленум Верховного Суда РФ уточнил: «Разрешая вопрос о замене неотбытой части принудительных работ лишением свободы, суд проверяет наличие установленных статьей 60.15 УИК РФ оснований для признания осужденного к принудительным работам злостным нарушителем порядка и условий отбывания этого вида наказания, а также соблюдение условий и процедуры признания лица таковым либо оснований, установленных статьей 60.17 УИК РФ, для признания осужденного уклоняющимся от его отбывания»¹.

В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством злостным нарушителем признается осужденный, совершивший либо одно «злостное нарушение» (употребление спиртных напитков, мелкое хулиганство, неповиновение сотруднику администрации ИЦ, изготовление или хранение запрещенных предметов и другие основания, перечисленные в ч. 2 ст. 60.15 УИК), либо в течение года три «простых» нарушения, предусмотренных частью 1 статьи 60.15 УИК (нарушение общественного порядка, трудовой дисциплины, правил проживания в ИЦ, неявка на регистрацию в ИЦ).

¹ О практике применения судами законодательства об исполнении приговора [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 20 дек. 2011 г. № 21 П. 5.11 (ред. от 18.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Под уклонением от отбывания принудительных работ, которое также является основанием для замены принудительных работ на лишение свободы, является уклонение от получения предписания о времени прибытия в ИЦ, неприбытие в ИЦ в установленный срок, невозвращение или самовольное оставление ИЦ на срок более суток.

Полагаем, регламентация данного вида наказания в уголовно-исполнительном законодательстве может послужить неким примером для уточнения положений норм, регламентирующих исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества. В настоящее время реализация данного вида наказания зависит прежде всего от решения организационно-экономических проблем. Установление возможности отбывания данного вида наказания на гражданских предприятиях следует оценивать положительно.

В системе наказаний принято выделять подсистему так называемых воинских наказаний. К ним относятся ограничение по военной службе (ст. 51 УК), лишение воинского звания и государственных наград (ст. 48 УК), арест с отбыванием на гауптвахте (ч. 3 ст. 54 УК), содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК).

Как отмечалось ранее, возможность уклониться от отбывания наказания в виде лишения специального, воинского звания, классного чина и государственных наград отсутствует, так как наказание носит бессрочный характер и от характера поведения осужденного ничего не зависит. Арест, как для гражданских, так и военнослужащих, не практикуется более 25 лет (т. е. с момента принятия УК 1996 г.). Ограничение по военной службе представляет собой некий «аналог» исправительных работ для гражданских лиц с той лишь разницей, что, помимо удержаний из заработной платы военнослужащего, он не может быть повышен в звании, а в выслугу лет период отбывания наказания не засчитывается. Уклонение от отбывания данного наказания со стороны осужденного невозможно, поскольку в случае несоблюдения требований воинской службы с ним разрывается контракт. Поэтому каких-либо уголовно-исполнительных регуляторов, на наш взгляд, не требуется. Отдельного внимания заслуживает тема наказания в виде содержания в дисципли-

Essentially, the list of incentive measures directly provided for by the RF PEC or indirectly arising from certain provisions can be used as basic for other types of punishment.

Penalties include reprimand, revocation of the right to reside outside the hostel, placement in a room for violators for up to 15 days (Article 60.14 of the RF PEC). Moreover, the time of the convicted person's unauthorized absence from the correctional center is not included in the period of compulsory labor (part 3 of Article 60.3 of the RF PEC).

With regard to compulsory labor, the law does not apply the concept of 'malicious evasion', being 'classical' for punishments without isolation from society. The RF PEC uses the terms 'malicious violation of the order and terms of serving compulsory labor punishment' and a 'malicious violator' (parts 2, 3 of Article 60.15 of the RF PEC), the Criminal Code also indicates a 'malicious violator of the order and terms of serving' (part 6 of Article 53¹ of the Criminal Code). In this regard, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation clarified the following: 'Resolving the issue of replacing the unserved term of compulsory labor with deprivation of liberty, the court checks the existence of the grounds established by Article 60.15 of the RF PEC for recognizing a person sentenced to compulsory labor as a malicious violator of the order and terms of serving this type of punishment, as well as compliance with the terms and procedures for recognizing a person as such or the grounds established by Article 60.17 of the RF PEC for recognizing a convicted person as evading serving the punishment'¹.

In accordance with the penal enforcement legislation, a convicted person is recognized to be a malicious violator in case he/she has committed either one 'malicious violation' (drinking of alcohol, petty hooliganism, disobedience to correctional center administration officials, manufacture or storage of prohibited items and other grounds listed in part 2 of Article 60.15 of the RF PEC) or has committed within a year three 'simple' violations provided for in part 1 of Article 60.15 of the RF PEC (breach of public order, violation of labor

¹ Clause 5.11 of the Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 of December 20, 2011 'On the Practice of Applying by Courts of the Legislation on the Execution of a Sentence' (as amended on 18.12.2018). Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

discipline, rules of residence in the correctional center, failure to appear for registration to the correctional center).

Evasion of compulsory labor, being a ground for replacing compulsory labor with deprivation of liberty, includes evasion of receiving a writ about the time of arrival at the correctional center, non-arrival at the correctional center within the prescribed period, non-return or unauthorized leave of the correctional center for the period of more than a day.

We believe that the regulation of this type of punishment in the penal enforcement legislation can serve as an example for clarifying the provisions of the norms regulating the execution of punishment that are not related to isolation from society. Currently, the problem of implementing this type of punishment is primarily related to organizational and economic problems. The establishment of the possibility of serving this type of punishment in civil enterprises should be assessed positively.

In the system of punishment, it is customary to distinguish a subsystem of so-called military punishment. These include restriction in military service (Article 51 of the Criminal Code), deprivation of military rank and government decorations (Article 48 of the Criminal Code), custody in detention quarters (part 3 of Article 54 of the Criminal Code), and service in a disciplinary military unit (Article 55 of the Criminal Code).

As was noted earlier, there is no possibility to evade serving a sentence in the form of deprivation of a special, military rank, class rank and government decorations, since the punishment is indefinite in nature, and nothing depends on the behavior of the convicted person. Arrest, both for civilians and military personnel, has not been applied for more than 25 years (i.e. since the adoption of the Criminal Code of 1996). The restriction in military service is a kind of 'equivalent' of compulsory community service for civilians with the only difference in the fact that, in addition to withholding from earnings of a serviceperson, he/she cannot be promoted to a higher rank, and the period of serving a sentence is not counted in the length of service. Evasion of serving this sentence on the part of the convicted person is impossible because in case of non-compliance with the requirements of military service, the contract with him is termi-

нарной воинской части. Примечательно, что данный вид наказания известен только странам СНГ, в государствах дальнего зарубежья воинские наказания как отдельный сегмент права отсутствует [42, с. 168]. В части 1 статьи 167 УИК РФ определен перечень мер поощрения, которые могут быть применены к рассматриваемой категории осужденных (благодарность, награждение подарком, денежная премия, разрешение на одно дополнительное краткосрочное или длительное свидание либо на телефонный разговор с родственниками, досрочное снятие ранее наложенного взыскания). Кроме того, к поощрительным мерам относится возможность изменения условия содержания (ст. 166 УИК). Также поощрительной мерой можно признать зачет пребывания в дисциплинарной воинской части в общий срок военной службы (ч. 2 ст. 171 УИК) для военнослужащих, «овладевших воинской специальностью, знающих и точно выполняющих требования воинских уставов и безупречно несущих службу». Военнослужащие, которым зачет наказания в срок воинской службы не был произведен, после отбытия данного наказания направляются в обычную воинскую часть для продолжения службы. Ф. В. Титлянов справедливо замечает, что такие военнослужащие имеют судимость, поэтому продолжение службы в вооруженных силах России судимых лиц является нарушением условий призыва и заключения контрактов на военную службу [42, с. 170].

Краткосрочные выезды осужденных продолжительностью до семи суток (ст. 162 УИК) нельзя отнести к поощрительной мере, так как для выезда необходимы иные основания: смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, стихийное бедствие и т. д. Несомненно, поощрительными следует считать отдельные уголовно-правовые институты: условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК), замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК), хотя последнее основание можно рассматривать как некий «формализм». Исходя из прямого запрета содержание в дисциплинарной воинской части не может быть заменено обязательными, исправительными работами, ограничением свободы. Ограничение по военной службе можно назначить (а соответственно, и заменить) только «контракtnикам». Фактически в «арсенале» остаются

только принудительные работы, которые вряд ли объективно можно оценить как более мягкое наказание.

Учитывая существенное сходство с лишением свободы, полагаем, что в качестве меры поощрения было бы уместно говорить о возможности проведения за пределами территории дисциплинарной воинской части выходных и праздничных дней, а также о большей вероятности общения с близкими посредством видеосвязи.

Меры взыскания следующие: выговор, строгий выговор, арест в дисциплинарном порядке до 30 суток (ст. 168 УИК).

В доктринальных источниках идет длительная дискуссия о необходимости сохранения или изъятия из уголовного и уголовно-исполнительного законодательства воинских наказаний. Сторонники упразднения в качестве аргументов называют крайне низкий процент их реализации, а также разрозненность мнений по вопросам их правовой регламентации¹. Отдельные ученые и должностные лица считают, что они являются «анахронизмом», от которого пора отказаться [9; 39, с. 174; 27, с. 862].

Действительно, данные виды наказаний применяется крайне редко. Ежегодно воинские наказания составляют не более 1–3 %, что говорит о невысоком уровне преступности среди военнослужащих. Разрозненность нормативно-правового регулирования объясняется спецификой наказаний, сочетающих в себе элементы как «общеуголовных ограничений» (удержание из заработка, ограничение личной свободы, соблюдение режима), так и требований военного законодательства.

На наш взгляд, сохранение принципа дифференциации различных категорий осужденных имеет исключительно важное значение. В условиях воинской службы осужденные полу-

¹ Порядок отбывания наказания в дисциплинарной воинской части определен не только УК и УИК, но и следующими правовыми актами: постановление Правительства РФ от 04.06.1997 № 669 «Об утверждении Положения о дисциплинарной воинской части»; приказ министра обороны РФ от 20.10.2016 № 680 «Об утверждении Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими»; указ Президента РФ от 25.03.2015 № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации»; указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации».

nated. Therefore, in our opinion, no penal enforcement regulators are required. Worthy of special attention is punishment in the form of service in a disciplinary military unit. It is interesting that this type of punishment is known only in the CIS countries; there are no separate kinds of military punishments in non-CIS countries [42, p. 168]. Part 1 of Article 167 of the RF PEC specifies a list of incentive measures that can be applied to this category of convicts (commendation, awarding a gift, a cash bonus, permission for one additional short-term or long-term visit or a telephone conversation with relatives, early remission of a previously imposed penalty). Moreover, incentive measures include the possibility of changing the detention conditions (Article 166 of the RF PEC). In addition, as an incentive measure there can be recognized a credit for serving in a disciplinary military unit counted in the total time of military service (part 2 of Article 171 of the RF PEC) for military personnel 'who have mastered a military profession, who know and accurately fulfill the requirements of military regulations, and conduct well'. Those servicemen, whose period of punishment was not counted in the military service, after serving the punishment, are sent to a regular military unit to continue their service. F. V. Titlyanov draws attention to the fact that such servicemen have a criminal record, and therefore the continuation of service in the Russian armed forces of convicted persons is a violation of the terms of conscription and the conclusion of contracts for military service [42, p. 1170].

Short-term leaves of convicts up to seven days (Article 162 of the RF PEC) cannot be attributed to an incentive measure, since other grounds are necessary for such a leave: the death or serious illness of a close relative, a natural disaster, etc.

Undoubtedly, certain criminal justice institutions should be considered incentive: conditional early release (Article 79 of the Criminal Code), replacement of the unserved term of the sentence with a milder penalty (Article 80 of the Criminal Code). Although the latter ground can be considered as some kind of 'formalism'. Due to the direct prohibition, service in a disciplinary military unit cannot be replaced by compulsory community service, correctional labor, or restriction of liberty. Restriction in military service can be imposed

(and, accordingly, replaced) only for 'contract servicemen'. In fact, only compulsory labor can be applied which can hardly be assessed objectively as milder punishment.

Taking into account the significant similarity with deprivation of liberty, we believe that it would be appropriate to talk about the possibility of spending weekends and holidays outside the territory of the disciplinary military unit, as well as increasing the possibility to communicate with relatives via videoconferences as an incentive measure.

The penalties are as follows: reprimand, strict reprimand, disciplinary arrest for up to 30 days (Article 168 of the RF PEC).

There has been a long discussion in doctrinal sources about the necessity to preserve or remove military punishment from criminal and penal enforcement legislation. The arguments of supporters of the abrogation include the extremely low percentage of the implementation of military punishment, as well as the inconsistency in matters of their legal regulation¹. Some scientists and officials believe that they are an 'anachronism', which it is time to abandon [9; 39, p. 174; 27, p. 862].

Indeed, these types of punishment are used extremely rarely. Military punishments amount to no more than 1 – 3 % annually, which is explained by the low level of crime among military personnel. The inconsistency of legal regulations is explained by the specifics of punishment that combine both elements of 'ordinary criminal restrictions' (withholding from earnings, restriction of personal freedom, compliance with the regime) and the requirements of military legislation.

In our opinion, it is extremely important to preserve the principle of differentiation between various categories of convicts. At military service,

¹ Procedure for serving a sentence in a disciplinary military unit is defined not only by the Criminal Code and the Penal Enforcement Code but also by the following legal acts: Decree of the Government of the Russian Federation No. 669 'On Approval of the Regulations on a Disciplinary Military Unit' of June 4, 1997; Order of the Ministry of Defense of Russia No. 680 'On Approval of the Rules for Serving Criminal Sentences by Convicted Servicemen' of October 20, 2016; Decree of the President of the Russian Federation No. 161 'On Approval of the Armed Forces Military Police Regulations of the Russian Federation and Amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation' of March 25, 2015; Decree of the President of the Russian Federation No. 1495 'On Approval of the General Military Regulations of the Armed Forces of the Russian Federation' of November 10, 2007.

чают воинскую профессию, не подвергаются негативному влиянию со стороны лиц, совершивших общеуголовные преступления, к ним применяются дополнительные меры воспитательного воздействия. Прохождение военной службы часто сопряжено с повышенными физическими и морально-психологическими нагрузками, порой военнослужащие выполняют свои должностные обязанности в условиях риска для жизни [41, с. 93].

Лишение свободы

Все поощрительные меры по отношению к лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, предусмотренные нормами действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, условно можно разделить на две группы:

а) меры поощрения, выражающиеся в единовременном предоставлении какого-то права (объявление благодарности, награждение подарком, разрешение на получение дополнительной посылки или передачи и т. д.). Основная особенность данных мер заключается в том, что они не оказывают значительного влияния на объем прав осужденного и являются для него определенным «бонусом»;

б) поощрительные институты как реакция на измененное и ставшее постоянным одобрительное поведение осужденных (изменение условий отбывания наказания, изменение вида исправительного учреждения, условно-досрочное освобождение и др.). Эти институты обеспечивают изменение правового положения осужденных, существенно его улучшая.

Основная проблема заключается не в том, что их много или мало, а в субъективизме при принятии решения о применении меры поощрения со стороны сотрудников исправительного учреждения. Данная проблема имеет место и в зарубежных странах [56, p. 808; 57, p. 529].

Нами проводилось анкетирование среди сотрудников. Они считают, что такая мера, как разрешение пользоваться компьютером, ноутбуком для общения с родственниками через сеть Интернет, разовые выходы за пределы исправительных учреждений, предоставление длительных свиданий за пределами исправительного учреждений, могут существенно мотивировать осужденных к правопослушному поведению. Получили одобрение меры культурно-

воспитательного направления (разрешение на участие в культурно-просветительных, спортивных занятиях, предоставление дополнительного времени на досуг, использование музыкальных инструментов и т. д.). Следует отметить, что в зарубежных пенитенциарных системах «ставка» на такие мероприятия в вопросах исправления осужденных крайне высока [65; 66, p. 321].

В марте 2018 года членом Совета Федерации А. В. Кутеповым был предложен законопроект, предусматривающий наделение **родителей, отбывающих наказание в виде лишения свободы в тюрьмах, правом общаться со своими детьми по видеосвязи, однако до сих пор он не был принят**¹. Имеет право на обсуждение вопрос установления льготных условий, подобных тем, которые предусмотрены в воспитательных колониях.

В целом следует поддержать идею «социальных лифтов», суть которой – в поэтапном стимулировании осужденных, демонстрирующих правопослушное поведение. Были приняты «Методические рекомендации по использованию системы “социальных лифтов” в исправительных учреждениях ФСИН России в условиях действующего законодательства» [29], однако организационные и кадровые изменения привели к тому, что начатое так и не было доведено до конца, хотя положительный эффект имел место.

Стоит отметить, что относительно наказаний, связанных с изоляцией от общества, уместнее говорить не о достижении принципа неотвратимости наказания, а скорее о достижении другого не менее важного принципа – принципа справедливости. Стимулирующие на правопослушное поведение меры должны быть понятны и прозрачны каждому осужденному. В настоящее время говорить об этом не приходится.

Так, замена неотбытого срока наказания (ст. 80 УК) и условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК) предусматривают практически единые условия: возмещение вреда (частично или полностью) и положительное поведение в период отбывания. При этом статья 79 УК носит императивный характер, статья 80

¹ Заключение в России могут разрешить общение по Skype с детьми. URL: https://zab.ru/news/103897_zaklyuchennym_v_rossii_mogut_razreshit_obshchenie_po_skype_s_detmi.

convicts receive military profession, are not subjected to negative influence from persons who have committed ordinary crimes; additional measures of educational influence are applied to them as part of military service. Military service is often fraught with increased physical and moral and psychological loads, sometimes military personnel perform their official duties at the risk of their lives [41, p.93].

Deprivation of Liberty

All incentive mechanisms in relation to persons serving a custodial sentence provided for by the norms of the current criminal and criminal law enforcement legislation can be conveniently divided into two groups:

a) Incentive measures that are expressed in one-time granting a right (awarding a commendation, a gift, permission to receive an additional parcel, etc.). The main feature of these measures is that they do not significantly affect the scope of the rights of the convicted person and are a certain ‘bonus’ for him/her.

b) Incentive institutions that act as a reaction to the changed convicts’ commendable behavior that became permanent (changing the conditions of serving a sentence, changing the correctional facility type, conditional early release, etc.). These institutions ensure a change of the legal status of convicts, improving it significantly.

The main problem is not in the fact that there are many or few of them but in subjectivity when deciding on the use of an incentive measure on the part of correctional facility officers. This problem also occurs in foreign countries [56, p. 808; 57, p. 529].

We conducted a survey among the personnel. They believe that such a measure as permission to use a computer, a laptop to communicate with relatives via the Internet, one-time leaves outside correctional facilities, providing long visitation outside correctional facilities can significantly motivate convicts to law-abiding behavior. Cultural and educational measures (permission to participate in cultural and educational, sports classes, provision of additional leisure time, use of musical instru-

ments, etc.) receive approval. It should be noted that in foreign penitentiary systems, the ‘rate’ for such events in matters of correction of convicts is extremely high [65; 66, p. 321].

In March 2018, member of the Federation Council A. V. Kutepov proposed a bill providing for granting parents serving a custodial sentence the right to communicate with their children via videoconference, but it has not been adopted so far¹. The issue of establishing preferential conditions, similar to those provided for in juvenile correctional facilities, can be discussed.

In general, we should support the idea of ‘social elevators’, the essence of which is to gradually provide incentives to convicts who demonstrate law-abiding behavior. ‘Methodological recommendations on the use of the system of ‘social elevators’ in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia under the current legislation’ were adopted [29]; however, as a result of organizational and personnel changes, what had been started was never completed, although there was observed a positive effect.

It is worth noting that with regard to punishment associated with isolation from society, it is more appropriate to speak not about implementing the principle of the inevitability of punishment but rather about implementing another equally important principle – the principle of justice. Measures that encourage law-abiding behavior should be clear and transparent for each convicted person. At present, this principle is far from being fully complied with.

Thus, the replacement of the unserved term of punishment (Article 80 of the Criminal Code) and conditional early release (Article 79 of the Criminal Code) provides for almost equal conditions: compensation for harm (partial or complete) and positive behavior during the period of serving. At the same time, Article 79 of the Criminal Code is set forth mandatory, Article 80

¹ The imprisoned in Russia may be allowed to communicate with their children via Skype. Available at: https://zab.ru/news/103897_zaklyuchennym_v_rossii_mogut_razreshit_obshchenie_po_skype_s_detmi.

УК предоставляет право суду принять решение о замене или отказать. Формальные условия – отбывание определенного срока полностью идентичны. Отбывающий наказание, связанное с изоляцией от общества, осужденный находится в состоянии неопределенности, так как при хорошем поведении, возмещении вреда он может (не может) рассчитывать либо на смягчение наказания либо на полное освобождение. Как правило, выбор, о чем ходатайствовать перед судом – о применении положений статей 80 или 79 УК, определяется исходя из рекомендаций администрации исправительного учреждения, поскольку положительная характеристика имеет важное, но не решающее значение для принятия решения судом. Более того, законодательно не определено, как должен учитывать суд срок фактического отбывания наказания после замены неотбытой части наказания на более мягкое. «Судебная практика в данный момент, учитывая Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16 июля 2020 года по делу № 78-УДП20-6-КЗ, исходит из того, что в случае замены наказания более мягким видом наказания необходимый для условно-досрочного освобождения срок исчисляется с момента такой замены»¹. Иными словами, срок начинает исчисляться сначала. Судебные инстанции полагают, что «иной подход применения положений ст. 79 УК РФ в условиях уже примененных положений ст. 80 УК РФ не соответствует целям уголовного наказания»². Получается, что осужденный, выполнивший все условия как для замены на более мягкое наказание, так и для условно-досрочного освобождения, обязан вновь отбыть необходимую минимальную часть «нового» наказания, чтобы доказать факт своего исправления. Полагаем, такая сложившаяся судебная практика не отвечает принципу справедливости.

Несомненно, самой «желанной» мерой поощрения для осужденного является условно-досрочное освобождение. Закон обязывает освободить осужденного, если для дальнейшего исправления он не нуждается в изоляции, частично или полностью возместил причиненные преступлением вред, отбыл установленную

часть наказания (ч. 1, 3 ст. 79 УК). Других обязательных условий нормативно не установлено. Суд **учитывает** поведение осужденного, наличие поощрений и взысканий, отношение к учебе и труду, заключение администрации учреждения (ч. 4.1 ст. 79 УК РФ).

Так, Б. было отказано в ходатайстве об условно-досрочном освобождении, т. е., несмотря на то что поручаемую работу он выполнял, при необходимости оставался на сверхурочную работу, с представителями исправительного учреждения вежлив и тактичен, администрация учреждения посчитала, что его освобождение является преждевременным. Из так называемых «негативных» черт в характеристике было указано, что Б. инициативу не проявляет и не участвует в культурно-массовых мероприятиях. Ввиду отсутствия поддержки со стороны администрации суд первой инстанции сделал вывод, что цели наказания еще не достигнуты. В апелляционном постановлении решение нижестоящего суда отменено и указано: «Характеристика на осужденного носит положительный характер. Вместе с тем, по заключению должностных лиц исправительного учреждения, несмотря на то, что Б. стремится встать на путь исправления и имеет положительную динамику, предоставление условно-досрочного освобождения преждевременно и нецелесообразно. Указанный документ не содержит данных, на основании которых сделан такой вывод, и надлежащая оценка этому факту судом первой инстанции не дана»³.

Чаще всего при отказах в удовлетворении ходатайств об условно-досрочном освобождении суды указывают на наличие нарушений в начале отбывания срока, при этом отмечая то обстоятельство, что процесс исправления успешен, так как в течение длительного времени нарушений осужденный не допускает. Например, в апелляционном постановлении Саратовского областного суда указано: «Наличие трех взысканий за нарушение режима содержания, двух поощрений по итогам работы и активное участие в общественной жизни колонии свидетельствует об отсутствии стойкой положительной динамики в поведении осуж-

grants the right to the court to make a decision whether to grant replacement or dismiss a petition. The formal conditions – the serving of a certain period of time are absolutely identical. A convicted person serving punishment related to isolation from society is in a state of uncertainty, because with good behavior, compensation for harm, he can (cannot) claim either a commutation of the sentence or an unconditional release. As a rule, the choice of what to petition the court for: for the application of the provisions of Article 80 or 79 of the Criminal Code, is determined on the basis of recommendations of the correctional facility administration, since a positive personal reference is important but not decisive for the judgment of the court. Moreover, the legislation does not define how the court should take into account the term of actual serving of the punishment after replacing the unserved term of the punishment with a milder one. ‘Judicial practice at the moment, taking into account the Cassation Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of July 16, 2020 in case No. 78-UDP20-6-KZ, proceeds from the fact that in the case of replacement of the punishment with a milder punishment, the term required for conditional early release is counted from the moment of such replacement’¹. In other words, the term begins to be calculated from the beginning. The judicial authorities believe that ‘a different approach to applying the provisions of Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation under conditions of the already applied provisions of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation does not correspond to the purposes of criminal punishment’². It turns out that a convicted person who has fulfilled all the conditions for both replacement with a milder sentence and for conditional early release is obliged to serve the necessary minimum term of the ‘new’ sentence again in order to prove his/her correction again. We believe that such established judicial practice does not meet the principle of justice.

Undoubtedly, the most ‘desirable’ incentive measure for a convicted person is a conditional early release (parole). The law obliges to release a convicted person if he/she does not need isolation

for further correction, partially or completely compensated for the harm caused by the crime, served the established term of the punishment (parts 1, 3 of Article 79 of the Criminal Code). There are no other mandatory regulatory conditions. In accordance with part 4.1 of Article 79 of the Criminal Code, the **court takes into account** the behavior of the convicted person, the presence of incentives and penalties, the attitude to study and work, and the opinion of the administration of the facility.

For example, B.’s parole application was turned down: despite the fact that he had performed the assigned work, had worked overtime when necessary, had been polite and tactful with representatives of the correctional facility, the administration of the facility considered that his release was premature. The fact that B. did not show initiative and did not participate in cultural events was indicated in the personal reference report as a so-called ‘negative’ feature. Due to the lack of support from the administration, the court of the first instance concluded that the purpose of the punishment had not been achieved yet. In the appellate ruling, the decision of the lower court was reversed and the following was stated: ‘The reference report of the convicted person is positive. At the same time, according to the conclusion of the officials of the correctional facility, despite the fact that B. was striving to correct his way and his behavior was getting better, granting conditional early release is premature and inadvisable. The specified document does not contain data on the basis of which such a conclusion was made, and the court of the first instance did not give a proper assessment of this fact’³.

Most commonly, when refusing to grant parole, courts pay attention to violations committed at the beginning of serving the term, while noting the fact that the correction process is successful since the convicted person has not had any violations committed for a long time. For example, the appellate ruling of the Saratov Regional Court states: ‘Three penalties for violating the detention regime, two incentives based on the results of work and active participation in the social life of the correctional facility highlight the absence of a stable positive dynamics in the behavior of the convicted

¹ Апелляционное постановление Ярославского обл. суда № 22-2697/2020 от 29.12.2020 г. по делу № 4/1-262/20 URL: <https://sudact.ru/>.

² Там же.

³ Апелляционное постановление Белгородского обл. суда от 30.12.2020 г. № 22-1608/2020 по делу № 4/1-173/2020. URL: <https://sudact.ru/>.

¹ Appellate Ruling of the Yaroslavl Regional Court No. 22-2697/2020 of December, 29, 2020 in case No. 4/1-262/20. Available at: <https://sudact.ru/>.

² Ibid.

³ Appellate Ruling of the Belgorod Regional Court No. 22-1608/2020 of December, 30, 2020 in case No. 4/1-173/2020. Available at: <https://sudact.ru/>.

денного»¹. При этом данный осужденный находился на момент обращения на облегченных условиях содержания, полностью возместил причиненный преступлением вред, со стороны администрации исправительного учреждения характеризовался положительно. В другом решении суда отражено: «Г. трудоустроен в исправительном учреждении, изъявляет желание пройти обучение для получения новой специальности, конфликтных ситуаций не создает, нетактичного поведения не допускает, свое преступное прошлое осуждает, высказывает намерение вести правопослушный образ жизни после освобождения из мест лишения свободы. Г. дважды поощрялся администрацией исправительного учреждения – непосредственно перед обращением в суд и в период нахождения ходатайства в суде. Изложенное свидетельствует о стремлении осужденного стать на путь исправления. Между тем такое поведение осужденного отмечено лишь в период, не превышающий 10 месяцев». Суд посчитал, что его поведение еще не является **стабильно** положительным и отказал в условно-досрочном освобождении².

Полагаем, при решении вопроса об условно-досрочном освобождении важно учитывать, в каких условиях содержания находится осужденный, общее количество поощрений и взысканий, а также стремление осужденного к возмещению ущерба, причиненного преступлением. Так, апелляционная инстанция оставила без изменения решение суда первой инстанции, указав, что осужденный имеет 13 взысканий и 11 поощрений, «не предпринимал реальных и действенных мер к возмещению вреда, причиненного преступлением, что характеризует его отношение к совершенному деянию»³. Однако в другом решении, при сходных условиях, ходатайство об условно-досрочном освобождении было удовлетворено. Осужденный М. имел 5 взысканий и 6 поощрений, последнее по времени взыскание было применено за год до по-

дачи ходатайства, ущерб не возместил по причине того, что суд не направил исполнительный лист в исправительное учреждение, однако ему было известно о гражданском иске в уголовном деле⁴.

Тем не менее на практике степень исправления осужденного судами оценивается через призму достижения целей наказания⁵. Заметим, что освобождение носит условный характер, исправительный процесс продолжается и на этапе освобождения. Закон четко устанавливает: осужденный подлежит освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления он не нуждается в дальнейшей изоляции (ч. 1 ст. 79 УК РФ). Однако «фактическое отбытие осужденной определенной части срока наказания, наличие поощрений, отсутствие взысканий, положительная характеристика администрации исправительного учреждения, наличие двух несовершеннолетних детей на иждивении, заболевание у осужденной и ее детей, добросовестное отношение к труду не могут служить безусловным основанием для условно-досрочного освобождения»⁶. Возникает риторический вопрос: а что может быть безусловным основанием к условно-досрочному освобождению?

Заключение

В настоящее время невозможно говорить о достижении принципа неотвратимости наказания в его уголовно-исполнительном аспекте, так как существующие механизмы при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества, не позволяют мотивировать осужденного на неукоснительное соблюдение требований приговора. Поощрительные меры предусмотрены только в отношении ограничения свободы и принудительных работ, что можно объяснить их более поздней регламентацией в уголовно-исполнительном законодательстве. Негативные меры настолько неэффективны (а в отдельных наказаниях вовсе не предусмотре-

person¹. At the same time, by the moment of filing the application, this convict was serving under a less strict regime, had fully compensated for the harm caused by the crime, was positively characterized by the administration of the correctional facility. Another court judgment says: ‘G. is employed in a correctional facility, expresses willingness to undergo training to obtain new profession, does not create conflict situations, does not allow tactless behavior, condemns his criminal past, expresses intention to lead a law-abiding lifestyle after release. G. was twice given incentives by the administration of the correctional facility – immediately before applying to the court and during the period when the petition was in the court. The above indicates the desire of the convicted person to correct his way. Meanwhile, such behavior of the convicted person was noted only for a period of not more than 10 months’. The court considered that his behavior was not yet **consistently** positive, so the convict was refused conditional early release².

We believe that it is important to take into account the conditions of confinement of the convicted person, the total number of incentives and penalties, as well as the desire of the convicted person to compensate for the harm caused by the crime. Thus, the appellate instance affirmed the judgment of the court of the first instance, indicating that the convicted person had 13 penalties and 11 incentives, ‘did not take real and effective measures to compensate for the harm caused by the crime, which characterizes his attitude to the committed act’³. However, in another judgment, under similar conditions, the application for conditional early release was granted. Convicted M. had 5 penalties and 6 incentives where the last penalty was applied a year before the application was filed, he

did not compensate for the harm due to the fact that the court did not send a writ of execution to the correctional facility, but he was aware of the civil claim in the criminal case⁴.

Nevertheless, in practice, the correction of a convicted person is evaluated by the court in terms of achieving the purpose of punishment⁵. Note that the release is conditional, the correctional process continues at the stage of release. Part 1 of Article 79 of the Criminal Code clearly indicates that the convicted person is subject to release if the court recognizes that he does not need further isolation for his/her correction. However, ‘the actual serving of a certain term of the punishment by the convicted person, presence of incentives, absence of penalties, positive personal references from the administration of the correctional facility, two dependent minor children, illness of the convicted person and his/her children, a conscientious attitude to work cannot serve as unconditional grounds for conditional early release’⁶. A rhetorical question arises: what can be unconditional grounds for conditional early release?

Conclusion

At present, it is impossible to speak of the full implementation of the principle of the inevitability of punishment in its penal enforcement aspect since the existing mechanisms for the execution of punishment not related to isolation from society do not allow motivating convicted persons to strictly comply with the requirements of the sentence. Incentive measures are provided only for restrictions regarding liberty and compulsory labor, which can be explained by their later regulation in the criminal law enforcement legislation. Negative measures are so ineffective (and in some inds of punishment are not provided for at all)

¹ Апелляционное постановление Саратовского обл. суда от 30.12.2020 г. № 22-3262/2020 по делу № 4/1-254/2020. URL: <https://sudact.ru/>.

² Апелляционное постановление от 28.12.2020 г. № 22-1615/2020 по делу № 4/1-214/2020. Белгород. обл. суд. URL: <https://sudact.ru/>.

³ Апелляционное постановление Калужского обл. суда от 30.12.2020 г. № 22-1670/2020 по делу № 4/1-81/2020. URL: <https://sudact.ru/>.

⁴ Апелляционное постановление Псковского обл. суда от 30.12.2020 г. № 22-882/2020 по делу № 4/1-194/2020. URL: <https://sudact.ru/>.

⁵ Апелляционное постановление Вологод. обл. суда № 22-2346/2020 от 29.12.2020 г. по делу № 4/1-14/2020. URL: <https://sudact.ru/>.

⁶ Апелляционное постановление Калуж. обл. суда № 22-1498/2020 УК-22-1498/2020 от 28.12.2020 г. по делу № 4/1-100/2020.

¹ Appellate Ruling of the Saratov Regional Court No. 22-3262/2020 of December 30, 2020 in case No. 4/1-254/2020. Available at: <https://sudact.ru/>.

² Appellate Ruling of the Belgorod Regional Court No. 22-1615/2020 of December 28, 2020 in case No. 4/1-214/2020. Available at: <https://sudact.ru/>.

³ Appellate Ruling of the Kaluga Regional Court No. 22-1670/2020 of December, 30, 2020 in case No. 4/1-81/2020. Available at: <https://sudact.ru/>.

⁴ Appellate Ruling of the Pskov Regional Court No. 22-882/2020 of December, 30, 2020 in case No. 4/1-194/2020. Available at: <https://sudact.ru/>.

⁵ Appellate Ruling of the Vologda Regional Court No. 22-2346/2020 of December 29, 2020 in case No. 4/1-14/2020. Available at: <https://sudact.ru/>.

⁶ Appellate ruling of the Kaluga Regional Court No. 22-1498/2020 UK-22-1498/2020 of December 28, 2020 in case No. 4/1-100/2020.

ны), что осужденным в ряде случаев выгоднее отбыть более строгое наказание, назначенное в порядке замены при злостном уклонении. Все это приводит к тому, что наказание, не связанное с изоляцией от общества, не может быть должным образом исполнено. Критически следует оценить разный подход законодателя при формулировании норм, касающихся злостного уклонения, где при регламентации наказания в виде штрафа, обязательных работ установления имеют императивный характер, тогда как относительно исправительных работ, ограничения свободы положения законы выражены диспозитивно.

Что касается наказаний, предусматривающих изоляцию от общества, то здесь акцент смещается не в сторону достаточности позитивных и негативных стимуляторов. Проблема скорее заключается в субъективизме сотрудников уголовно-исполнительной системы ввиду режимной закрытости таких учреждений. Выход, как видится, необходимо искать не в плоскости совершенствования уголовно-исполнительного законодательства, а в регулировании организационных механизмов, например, в части усиления общественного контроля, а также установления таких правил, при соблюдении которых они могут рассчитывать на применение позитивных мер.

Библиографический список

1. Бакулина Л. В. Правовой статус осужденных к принудительным работам // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, № 6. С. 221–227.
2. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. и вступ. ст. М. М. Исаева. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 464 с.
3. Боровиков С. А. Обеспечение контроля при исполнении обязательных работ // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 2. С. 17–19.
4. Бриллиантов А. В., Курганов С. И. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 576 с.
5. Бутенко Т. П. Принципы уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительного законодательства // Вестник Амурского государственного университета. Серия:

Гуманитарные науки. 2016. № 74. С. 63–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-ugolovno-ispolnitelnogo-prava-i-ugolovno-ispolnitelnogo-zakonodatelstva>.

6. Васильева Я. Ю. Обязательные работы: некоторые проблемы теории и практики применения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8–9. С. 189–192. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelnye-raboty-nekotorye-problemy-teorii-i-praktiki-primeneniya>.

7. Виттенберг Г. Б. Развитие основных принципов советского уголовного права в новом Уголовном кодексе РСФСР // Правоведение. 1962. № 4.

8. Вопленко Н. Н., Рудковский В. А. Основные принципы права: понятие и классификация // LegalConcept. 2013. № 1. С. 5–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsipy-prava-ponyatie-i-klassifikatsiya>.

9. Выжуртович В. Правосудие без погон // Рос. газета. 2007. 16 марта.

10. Гришко А. Я., Гришко Л. Е. Принцип патриотизма в уголовно-исполнительном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 120–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-patriotizma-v-ugolovno-ispolnitelnom-prave>.

11. Грушин Ф. В. Обязательные работы в Российской Федерации: факторы появления и некоторые проблемы // Право и государство. 2016. № 1 (70). С. 99–103.

12. Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

13. Звертаева Ю. Ю., Шапошиников В. Л. Обеспечение неотвратимости наказания в сфере безопасности дорожного движения // Ленингр. юрид. журнал. 2018. № 3. С. 227–235.

14. Казак Б. Б., Лихолат И. А. Современное состояние и проблемы организации исполнения наказания в виде обязательных работ // Закон и право. 2015. № 1. С. 127–129.

15. Карнова И. Н. Гражданско-правовое положение осужденных к наказанию в виде принудительных работ // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. URL: <http://teoria-practica.ru>.

that in some cases it is more advantageous for convicted persons to serve a more severe sentence given as replacement in case of malicious evasion. All this leads to the fact that punishment that is not related to isolation from society cannot be executed properly. It is necessary to evaluate critically the different approach of the legislator while formulating norms concerning malicious evasion, where when regulating punishment in the form of a fine, compulsory community service, the norms are mandatory, while with regard to correctional labor, restriction of liberty, the law provisions are non-mandatory.

As for punishments related to isolation from society, the emphasis in this case is shifted not to the sufficiency of positive and negative stimulants, but the problem lies rather in the subjectivity of officers of the penal enforcement system due to the objectively closed nature of institutions where such punishment is served. The way out, as it seems, should be sought not through the lens of regulating the criminal law enforcement legislation, but in organizational mechanisms, for example, in strengthening public control, as well as establishing more transparent and understandable conditions for convicts, under which they can count on the application of positive measures.

References

1. Bakulina L. V. *Pravovoy status osuzhdennykh k prinuditel'nykh rabotam* [The Legal Status of Persons Sentenced to Forced Labor]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki* – Proceedings of Kazan University. Humanities Series. 2015. Vol. 157. Issue 6. Pp. 221–227. (In Russ.).
2. Beccaria C. *O prestupleniyakh i* [On Crimes and Punishments]. Transl. and pref. by M. M. Isaev]. Moscow, 1939. 464 p. (In Russ.).
3. Borovikov S. A. *Obespechenie kontrolya pri ispolnenii obyazatel'nykh rabot* [Ensuring Control over the Performance of Compulsory Community Service]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* – Criminal-Executory System: Law, Economy, Management. 2007. Issue 2. Pp. 17–19. (In Russ.).
4. Brilliantov A. V., Kurganov S. I. *Kommentariy k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateyny)* [Commentary

on the Penal Code of the Russian Federation (Article-by-Article)]. Ed. by A. V. Brilliantov. 3rd ed., rev. and exp.]. Moscow, 2016. 576 p. (In Russ.).

5. Butenko T. P. *Printsipy ugolovno-ispolnitel'nogo prava i ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva* [Principles of Penal Law and Penal Legislation]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities. 2016. Issue 74. Pp. 63–66. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-ugolovno-ispolnitelnogo-prava-i-ugolovno-ispolnitelnogo-zakonodatelstva>. (In Russ.).

6. Vasil'eva Ya. Yu. *Obyazatel'nye raboty: nekotorye problemy teorii i praktiki primeneniya* [Compulsory Community Service: Some Issues of Theory and Practical Application]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* – Humanities, Social-Economic and Social Sciences. 2016. Issue 8–9. Pp. 189–192. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelnye-raboty-nekotorye-problemy-teorii-i-praktiki-primeneniya>. (In Russ.).

7. Vittenberg G. B. *Razvitie osnovnykh printsipov sovetskogo ugolovnogo prava v novom Ugolovnom kodekse RSFSR* [The Development of the Basic Principles of Soviet Criminal Law in the New Criminal Code of the RSFSR]. *Pravovedenie* – Jurisprudence. 1962. Issue 4. Pp. 89–90. (In Russ.).

8. Voplenko N. N., Rudkovskiy V. A. *Osnovnye printsipy prava: ponyatie i klassifikatsiya* [Basic Principles of Law: Concept and Classification]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudentsiya* – Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence. 2013. Issue 1. Pp. 5–11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsipy-prava-ponyatie-i-klassifikatsiya>. (In Russ.).

9. Vyzhutovich V. *Pravosudie bez pogon* [Justice without Shoulder Straps]. *Rossiyskaya Gazeta* – The Russian Gazette. March 16, 2007. (In Russ.).

10. Grishko A. Ya., Grishko L. E. *Printsipy patriotizma v ugolovno-ispolnitel'nom prave* [The Principle of Patriotism in Criminal Enforcement Law]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. Issue 4 (48). Pp. 120–124. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-patriotizma-v-ugolovno-ispolnitelnom-prave>. (In Russ.).

16. Кауфман М. А. Уклонение от исполнения и отбывания наказания как вид негативного посткриминального поведения и его уголовно-правовое значение // Уголовное право. 2018. № 1. С. 53–60.

17. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988. 176 с.

18. Ковалев М. В. Институты поощрения осужденных в уголовном и уголовно-исполнительном праве: дис. ...канд. юрид. наук. Курск, 2020. 207 с.

19. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Бриллиантов, В. В. Геранин, Л. П. Дубровицкий и др.; под ред. В. И. Селиверстова. М.: Проспект, 2011. 448 с.

20. Красоткин П. Н. Применение мер воспитательного воздействия к осужденным, отбывающим наказания в виде обязательных работ и исправительных работ: автореф.... дис. канд. юрид. наук. Рязань, 2014. 26 с.

21. Красоткин П. Н., Шаклеина А. Ю. Организационные и правовые проблемы исполнения некоторых наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы // Вестник Кузбасского института. 2019. № 3 (40). С. 46–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-i-pravovye-problemy-ispolneniya-nekotoryh-nakazaniy-i-mer-ugolovno-pravovogo-haraktera-ne-svyazannyh-s-lisheniem>.

22. Лядов Э. В. К вопросу об исполнении наказания в виде обязательных работ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 3.

23. Малинин В. Б., Смирнов Л. Б. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: науч.-практ. коммент. (постатейный). М.: КОНТРАКТ, ВолтерсКлувер, 2011. 384 с.

24. Марлухина Е. О., Рождествина А. А. Комментарий к Федеральному закону № 35-ФЗ от 26 февраля 2006 года «О противодействии терроризму» (постатейный) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. Миняева Т. Ф., Добряков Д. А. Ограничение свободы как альтернатива лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 2. С. 170–174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-svobody-kak-alternativa-lisheniyu-svobody>.

26. Мирзорин М. Л. Актуальные проблемы введения принудительных работ: теоретико-правовые и практические вопросы // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2016. № 1 (23). С. 56–58.

27. Михеев А. А. Практика применения уголовного наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части // Молодой ученый. 2015. № 9. С. 862–864.

28. Наташев А. Е. Принципы советского исправительно-трудового права. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1972. 40 с.

29. Патласов О. Ю., Бегишева К. А. Система «социальных лифтов» в реформе уголовно-исполнительной системы России // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2011. № 5 (101). С. 67–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialnyh-liftov-v-reforme-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-rossii>.

30. Поветкина Н. А. Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения: монография / под ред. И. И. Кучерова. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2016. 344 с.

31. Постатейный научно-практический комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ / под общ. ред. А. Я. Гришко; науч. ред. С. Я. Лебедев. М.: Илекса, 2005. 564 с.

32. Рахматулин З. Р. Средства обеспечения режима уголовного наказания в виде ограничения свободы // Современное право. 2016. № 9. С. 120–124.

33. Рогова Е. В., Гайдаи М. К. Условное осуждение к исправительным работам // Сибирский юридический вестник. 2012. № 1. С. 86–90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uslovnnoe-osuzhdenie-k-ispravitelnym-rabotam>.

34. Сабитов Т. Принципы поощрения в уголовном праве // Уголовное право. 2006. № 1. С. 54–57.

35. Сабитов Т. Р. Принцип неотвратимости наказания и его трансформация в уголовно-правовой науке и законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3 (16). С. 261–269.

36. Сизая Е. А. Доктринальные принципы уголовно-исполнительного права // Человек: преступление и наказание. 2008. № 4. С. 43–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrinalnye-printsipy-ugolovno-ispolnitelnogo-prava>.

11. Grushin F. V. *Obyazatel'nye raboty v rossiyskoy federatsii: faktory povavleniya i nekotorye problemy* [Compulsory Community Service in the Russian Federation: Factors of Occurrence and Some Issues]. *Pravo i gosudarstvo – Law and State*. 2016. Issue 1 (70). Pp. 99–103. (In Russ.).

12. Duyunov V. K. *Mekhanizm ugolovno-pravovogo vozdeystviya: teoreticheskie osnovy i praktika realizatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [The Mechanism of Criminal Legal Influence: Theoretical Foundations and Practice of Implementation: Dr. jurid. sci. diss.] Moscow, 2001. 456 p. (In Russ.).

13. Zvertaeva Yu. Yu., Shaposhnikov V. L. *Obespechenie neotvratimosti nakazaniya v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya* [Ensuring the Inevitability of Punishment in the Field of Road Safety]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal – Leningradskiy Juridical Journal*. 2018. Issue 3. Pp. 227–235. (In Russ.).

14. Kazak B. B., Likhlat I. A. *Sovremennoe sostoyanie i problemy organizatsii ispolneniya nakazaniya v vide obyazatel'nykh rabot* [The Current State and Problems of the Organization of Execution of Punishment in the Form of Compulsory Community Service]. *Zakon i pravo – Law and Legislation*. 2015. Issue 1. Pp. 127–129. (In Russ.).

15. Karnova I. N. *Grazhdansko-pravovoe polozhenie osuzhdennykh k nakazaniyu v vide prinyat'nykh rabot* [The Civil Status of Convicts Sentenced to Punishment in the Form of Forced Labor]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 2015. Issue 18. Available at: <http://teoriapractica.ru>. (In Russ.).

16. Kaufman M. A. *Uklonenie ot ispolneniya i otbyvaniya nakazaniya kak vid negativnogo postkriminal'nogo povedeniya i ego ugolovno-pravovoe znachenie* [Evasion of Execution and Service of Punishment as a Type of Negative Post-Criminal Behavior and Its Criminal-Legal Significance]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 2018. Issue 1. Pp. 53–60. (In Russ.).

17. Kelina S. G., Kudryavtsev V. N. *Printsipy sovetskogo ugolovnogo prava* [Principles of Soviet Criminal Law]. Moscow, 1988. 176 p. (In Russ.).

18. Kovalev M. V. *Instituty pooshreniya osuzhdennykh v ugolovnom i ugolovno-ispolnitel'nom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [Institutions of Encouragement of Convicts in Criminal and Penal Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Kursk, 2020. 207 p. (In Russ.).

19. *Kommentariy k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateyny)* [Commentary on the Criminal Executive Code of the Russian Federation (Article-by-Article)]. A. V. Brilliantov, V. V. Geranin, L. P. Dubrovitskiy et al.; ed. by V. I. Seliverstov. Moscow, 2011. 448 p. (In Russ.).

20. Krasotkin P. N. *Primenenie mer vospitatel'nogo vozdeystviya k osuzhdenym, otbyvayushim nakazaniya v vide obyazatel'nykh rabot i ispravitel'nykh rabot: avtoref... dis. kand. yurid. nauk* [Application of Educational Influence Measures in Relation to Convicts Serving Sentences in the Form of Compulsory Community Service and Correctional Labor: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Ryazan, 2014. 26 p. (In Russ.).

21. Krasotkin P. N., Shakleina A. Yu. *Organizatsionnye i pravovye problemy ispolneniya nekotorykh nakazaniy i mer ugolovno-pravovogo kharaktera, ne svyazannykh s lisheniem svobody* [Organizational and Legal Problems of the Execution of Certain Punishments and Measures of a Criminal-Legal Nature That Are Not Related to Deprivation of Liberty]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta – Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2019. Issue 3 (40). Pp. 46–56. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-i-pravovye-problemy-ispolneniya-nekotoryh-nakazaniy-i-mer-ugolovno-pravovogo-haraktera-ne-svyazannyh-s-lisheniem>. (In Russ.).

22. Lyadov E. V. *K voprosu ob ispolnenii nakazaniya v vide obyazatel'nykh rabot* [On the Execution of Punishment in the Form of Compulsory Community Service]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2007. Issue 3. Pp. 133–136. (In Russ.).

23. Malinin V. B., Smirnov L. B. *Kommentariy k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: nauchno-prakticheskiy kommentariy (postateyny)* [Commentary on the Criminal Executive Code of the Russian Federation: Scientific and Practical Commentary (Article-by-Article)]. Moscow, 2011. 384 p. (In Russ.).

24. Marluhkina E. O., Rozhdestvina A. A. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu № 35-FZ ot 26 fevralya 2006 goda "O protivodeystvii terrorizmu" (postateyny)* [Commentary on the Federal Law of February 26, 2006 No. 35-FZ 'On Counteracting Terrorism' (Article-by-Article)]. 2007. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'. (In Russ.).

37. Смирнов С. Н. Принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения при исполнении наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. 23 с.
38. Сперанский И. А. Содержание и реализация принципов исправительно-трудового права: учеб. пособие. Волгоград: НИИРИО ВСШ МВД СССР, 1969. 71 с.
39. Степашин В. М. Особенности назначения специальных наказаний военнослужащим // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». 2011. № 1. С. 170–175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-naznacheniya-spetsialnyh-nakazaniy-voennosluzhaschim>.
40. Степашин В. М. Проблемы применения принудительных работ // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45). С. 156–161.
41. Сурин В. В. Особенности исполнения и отбывания наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 4 (39). С. 93–101.
42. Тутлянов Ф. В. Проблемы реализации наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части // Modern Science. 2020. № 9-1. С. 168–171.
43. Уголовный процесс: учебник / В. К. Бобров, В. П. Божьев, С. В. Бородин, А. А. Кобликов и др.; под ред. В. П. Божьева М.: Спарк, 1998. 591 с.
44. Уткин В. А. О юридическом содержании уголовного наказания в виде ограничения свободы // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 292. С. 44–48.
45. Хмелевская Т. А. Элементы прогрессивной системы наказаний в уголовно-исполнительном законодательстве РФ // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2013. № 18. С. 147–154.
46. Цуриков В. И. Оптимален ли принцип неотвратимости наказания за преступление? (экономический подход к преступлениям и наказаниям) // Экономическая наука современной России. 2007. № 2. С. 73–81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimalen-li-printsip-neotvratimosti-nakazaniya-za-prestuplenie-ekonomicheskiy-podhod-k-prestupleniyam-i-nakazaniyam>.
47. Шевелева С. В. Основы уголовно-исполнительного права: учеб. пособие / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2012. 433 с.
48. Шевелева С. В. Проблемы исполнения штрафа как вида уголовного наказания // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 520–524.
49. Шевелева С. В., Баумштейн А. Б. Уголовно-исполнительное право: учебник / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. 438 с.
50. Шихвердиев В. А. Уклонение от отбывания наказания: проблемы оптимизации уголовно-правовых средств реагирования: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2017. 230 с.
51. Явич Л. С. Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. М.: Юрид. лит., 1978. 224 с.
52. Belianin A. Punishment without crime: a tale of cooperation and competition in public goods games. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/07/23/1288619128/3%20draft.pdf>.
53. Crewe B. Depth, weight, tightness: Revisiting the pains of imprisonment // Punishment & Society. Dec. 2011. Vol. 13, № 5. С. 509–529.
54. Weekers D., Petrossian G., Thiault L. Illegal fishing and compliance management in marine protected areas: a situational approach // Crime Science. May 2021. Vol. 10. Article 9. 14 с.
55. Mears D. The Prison Experience // Journal of Criminal Justice Special Issues. September 2012. Vol. 40.
56. Pryce D. K., Chenane J. L. Trust and Confidence in Police Officers and the Institution of Policing: The Views of African Americans in the American South // Crime & Delinquency July 2021. Vol. 67, Issue 6–7. Pp. 808–838. URL: <https://doi.org/10.1177/0011128721991823>.
57. Picasso E., Cohen M. A. Valuing the public's demand for crime prevention programs: a discrete choice experiment // Journal of Experimental Criminology. December 2019. Vol. 15, Issue 4. Pp. 529–550.
58. Fehr E., Gächter S. Cooperation and Punishment in Public Goods Experiments URL: https://web.mit.edu/14.160/www/Coop_PunAER.pdf.
59. Simons L. G., Sutton T. E. The long arm of parenting: How parenting styles influence crime and the pathways that explain this effect
25. Minyazeva T. F., Dobryakov D. A. Ograničenje svobody kak al'ternativa lisheniyu svobody [Restriction of Liberty as an Alternative to Imprisonment]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* – Penal Law. 2017. Vol. 12. Issue 2. Pp. 170–174. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-svobody-kak-alternativa-lisheniyu-svobody>. (In Russ.).
26. Mirzozin M. L. Aktual'nye problemy vvedeniya prinuditel'nykh rabot: teoretiko-pravovye i prakticheskie voprosy [Current Problems of the Introduction of Forced Labor: Theoretical Legal and Practical Issues]. *Vestnik Taganrogskego instituta upravleniya i ekonomiki* – Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. 2016. Issue 1 (23). Pp. 56–58. (In Russ.).
27. Mikheev A. A. Praktika primeneniya ugovnogo nakazaniya v vide sodержaniya v distsiplinarnoy voinskoy chasti [The Practice of Applying Criminal Punishment in the Form of Detention in a Disciplinary Military Unit]. *Molodoy uchenyy* – Young Scientist. 2015. Issue 9 (89). Pp. 862–864. (In Russ.).
28. Natashev A. E. Printsipy sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava [Principles of the Soviet Correctional Labor Law]. Moscow, 1972. 40 p. (In Russ.).
29. Patlasov O. Yu., Begisheva K. A. Sistema «Sotsial'nykh liftov» v reforme ugovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii [The System of 'Social Elevators' in the Reform of the Penal System of Russia]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya 'Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* – Omsk Scientific Bulletin. Series 'Society. History. Modernity'. 2011. Issue 5 (101). Pp. 67–71. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialnyh-liftov-v-reforme-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-rossii>. (In Russ.).
30. Povetkina N. A. Finansovaya ustoychivost' Rossiyskoy Federatsii. Pravovaya doktrina i praktika obespecheniya: monografiya [Financial Stability of the Russian Federation. Legal Doctrine and Security Practice: Monograph]. Ed. by I. I. Kucherov. Moscow, 2016. 344 p. (In Russ.).
31. Postateyny nauchno-prakticheskiy komentariy k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu RF [Article-by-Article Scientific and Practical Commentary on the Criminal Executive Code of the Russian Federation]. Ed. by A. Ya. Grishko, S. Ya. Lebedev. Moscow, 2005. 564 p. (In Russ.).
32. Rakhmatulin Z. R. Sredstva obespecheniya rezhima ugovnogo nakazaniya v vide ograničenja svobody [Means of Ensuring the Regime of Criminal Punishment in the Form of Restriction of Freedom]. *Sovremennoe pravo* – Modern Law. 2016. Issue 9. Pp. 120–124. (In Russ.).
33. Rogova E. V., Gaidai M. K. Uslovnoe osuzhdenie k ispravitel'nyim rabotam [Conditional Sentence to Correctional Labor]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik* – Siberian Law Herald. 2012. Issue 1. Pp. 86–90. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/uslovnoe-osuzhdenie-k-ispravitelnyim-rabotam>. (In Russ.).
34. Sabitov T. Printsipy pooshhreniya v ugovnom prave [Principles of Encouragement in Criminal Law]. *Ugolovnoe pravo* – Criminal Law. 2006. Issue 1. Pp. 54–57. (In Russ.).
35. Sabitov T. R. Printsip neotvratimosti nakazaniya i ego transformatsiya v ugovno-pravovoy nauke i zakonodatel'stve [The Principle of the Inevitability of Punishment and Its Transformation in Criminal Legal Science and Legislation]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* – Actual Problems of Russian Law. 2010. Issue 3 (16). Pp. 261–269. (In Russ.).
36. Sizaya E. A. Doktrinal'nye printsipy ugovno-ispolnitel'nogo prava [Doctrinal Principles of Penal Law]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* – Man: Crime and Punishment. 2008. Issue 4. Pp. 43–45. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrinalnye-printsipy-ugolovno-ispolnitelnogo-prava>. (In Russ.).
37. Smirnov S. N. Printsip ratsional'nogo primeneniya mer prinuzhdeniya, sredstv ispravleniya osuzhdennykh i stimulirovaniya ikh pravoposlushnogo povedeniya pri ispolnenii nakazaniya v vide lisheniya svobody: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The Principle of Rational Use of Coercive Measures, Means of Correcting Convicts and Stimulating Their Law-Abiding Behavior in the Execution of a Sentence of Deprivation of Liberty: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Ryazan, 2003. 23 p. (In Russ.).
38. Speranskiy I. A. Soderzhanie i realizatsiya printsipov ispravitel'no-trudovogo prava. Uchebnoe posobie [The Content and Implementation of the Principles of Correctional Labor Law: Study Guide]. Volgograd, 1969. 71 p. (In Russ.).
39. Stepashin V. M. Osobennosti naznacheniya spetsial'nykh nakazaniy voennosluzhashhim [Features of Assigning Special Punishments to Military Personnel]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* – Herald of Omsk University. Series 'Law'. 2011. Issue 1 (26). Pp. 170–175. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-naznacheniya-spetsialnykh-nakazaniy-voennosluzhashhim>. (In Russ.).

// Criminology. June 2021. Vol. 59. Issue 3. Pp. 520–544.

60. McCall M., Kramer L. Forms of Punishment in the Criminal Justice System // 2019. February 25, URL: <https://legalbeagle.com/8400916-forms-punishment-criminal-justice-system.html>.

61. Tofi M. M., McGee T. R., Piquero A. R., Farrington D. P. and al. Mental Health and Crime // Journal of Criminal Justice Special Issues. May 2019. Vol. 62. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/crim.2021.59.issue-3/issuetoc>; <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12285>.

62. Bosworth M., Franko K., Pickering S. Punishment, globalization and migration control: 'Get them the hell out of here' // Punishment & Society. Jan. 2018. Vol. 20.

63. Olver M. E., Stockdale K. C. Book Review: Review of CBT with Justice-Involved Clients: Interventions for Antisocial and Self... // Criminal Justice and Behavior. Jun 2021. <https://doi.org/10.1177/00938548211025063>.

64. Özaşçılar M., Narlı N., Öztürk O. Crime Reporting Behavior Among Syrian Immigrants in Istanbul // Crime & Delinquency. December 2019. Issue 14. Pp. 1997–2018.

65. Haviv N., Weisburd D., Wolfowicz M. Do religious programs in prison work? A quasi-experimental evaluation in the Israeli prison service // December 2020. Vol. 16, Issue 4. Pp. 505–533.

66. Grimmelikhuijsen S., van den Bos K. Specifying the information effect: reference points and procedural justifications affect legal attitudes in four survey experiments // Journal of Experimental Criminology. June 2021. Vol. 17, Issue 2. Pp. 321–341.

67. Henry K. T. S. The Black Effect: Reimagining Racial Threat Through a Black Absolute Status Lens // Crime & Delinquency. Jul 2021. Vol. 67, Issue 8. C. 1241–1264.

68. Golash-Boza T. Crime and Neighborhood Change in the Nation's Capital: From Disinvestment to Gentrification // Crime & Delinquency. August 2021. Vol. 67, Issue 9. Pp. 1267–1294.

69. Palvanov I. Criminal Responsibilities adolescents and Features of punishment system // Бюллетень науки и практики. 2020. Vol. 6, № 3. С. 357–362. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/criminal-responsibilities-adolescents-and-features-of-punishment-system>.

70. Kane S. The Advantages and Benefits of Public Service Work. URL: <https://www.thebalancecareers.com/advantages-of-public-service-work-2164663>.

71. Zubenko V. On the question of the relief of minors from punishment through placement in closed fostering institutions: some aspects of juvenile criminal policy in Russia // Law and modern states. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/on-the-question-of-the-relief-of-minors-from-punishment-through-placement-in-closed-fostering-institutions-some-aspects-of-juvenile-criminal>.

References

1. Bakulina L. V. *Pravovoy status osuzhdennykh k prinuditel'nykh rabotam* [The Legal Status of Persons Sentenced to Forced Labor]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki* – Proceedings of Kazan University. Humanities Series. 2015. Vol. 157. Issue 6. Pp. 221–227. (In Russ.).

2. Beccaria C. *O prestupleniyakh i* [On Crimes and Punishments]. Transl. and pref. by M. M. Isaev]. Moscow, 1939. 464 p. (In Russ.).

3. Borovikov S. A. *Obespechenie kontrolya pri ispolnenii obyazatel'nykh rabot* [Ensuring Control over the Performance of Compulsory Community Service]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* – Criminal-Executory System: Law, Economy, Management. 2007. Issue 2. Pp. 17–19. (In Russ.).

4. Brilliantov A. V., Kurganov S. I. *Kommentariy k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateyny)* [Commentary on the Penal Code of the Russian Federation (Article-by-Article)]. Ed. by A. V. Brilliantov. 3rd ed., rev. and exp.]. Moscow, 2016. 576 p. (In Russ.).

5. Butenko T. P. *Printsipy ugolovno-ispolnitel'nogo prava i ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva* [Principles of Penal Law and Penal Legislation]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities. 2016. Issue 74. Pp. 63–66. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-ugolovno-ispolnitelnogo-prava-i-ugolovno-ispolnitelnogo-zakonodatelstva>. (In Russ.).

6. Vasil'eva Ya. Yu. *Obyazatel'nye raboty: nekotorye problemy teorii i praktiki primeneniya* [Compulsory Community Service: Some Issues of Theory and Practical Application]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* – Humanities, Social-Economic and Social Sciences. 2016. Issue 8–9. Pp. 189–192. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelnye>

able at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-naznacheniya-spetsialnyh-nakazaniy-voenno-sluzhaschim>. (In Russ.).

40. Stepashin V. M. *Problemy primeneniya prinuditel'nykh rabot* [Problems of the Use of Forced Labor]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* – Herald of Omsk University. Series 'Law'. 2015. Issue 4 (45). Pp. 156–161. (In Russ.).

41. Surin V. V. *Osobennosti ispolneniya i otbyvaniya nakazaniya v vide sodержaniya v distsiplinarnoy voinskoy chasti* [Features of Execution and Serving of Punishment in the Form of Detention in a Disciplinary Military Unit]. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii* – Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia. 2020. Issue 4 (39). Pp. 93–101. (In Russ.).

42. Titlyanov F. V. *Problemy realizatsii nakazaniya v vide sodержaniya v distsiplinarnoy voinskoy chasti* [Problems of Implementing Punishment in the Form of Detention in a Disciplinary Military Unit]. *Modern Science*. 2020. Issue 9-1. Pp. 168–171. (In Russ.).

43. *Ugolovnyy protsess. Uchebnik* [Criminal Proceedings: Textbook]. V. K. Bobrov, V. P. Bozh'ev, S. V. Borodin, A. A. Koblikov et al.; ed. by V. P. Bozh'ev. Moscow, 1998. 591 p. (In Russ.).

44. Utkin V. A. *O yuridicheskom sodержanii ugolovnogo nakazaniya v vide ogranicheniya svobody* [On the Legal Content of Criminal Punishment in the Form of Restriction of Freedom]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Tomsk State University Journal. 2006. Issue 292. Pp. 44–48. (In Russ.).

45. Khmelevskaya T. A. *Elementy progressivnoy sistemy nakazaniy v ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve RF* [Elements of the Progressive System of Punishments in Penal Legislation of the Russian Federation]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii im. O. E. Kutafina (MGYuA)* – Scientific Works of Orenburg Institute (Branch) of MSLA. 2013. Issue 18. Pp. 147–154. (In Russ.).

46. Tsurikov V. I. *Optimalen li printsip neotvratimosti nakazaniya za prestuplenie? (ekonomicheskiy podkhod k prestupleniyam i nakazaniyam)* [Is the Principle of Inevitability of Punishment for a Crime Optimal? (Economic Approach to Crimes and Punishments)]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* – Economics of Contemporary Russia. 2007. Issue 2 (37). Pp. 73–81. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimalen-li-princip-neotvratimosti-nakazaniya-za-prestuplenie>

ekonomicheskiy-podhod-k-prestupleniyam-i-nakazaniyam. (In Russ.).

47. Sheveleva S. V. *Osnovy ugolovno-ispolnitel'nogo prava: uchebnoe posobie* [Fundamentals of Penal Law: Textbook]. Kursk, 2012. 433 p. (In Russ.).

48. Sheveleva S. V. *Problemy ispolneniya shtrafa kak vida ugolovnogo nakazaniya* [Issues of a Fine Execution as a Type of Criminal Punishment]. *Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika. Sbornik materialov VII-oy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Criminal Policy and Law Enforcement Practice. Collection of Proceedings of VII International Scientific and Practical Conference]. 2019. Pp. 520–524. (In Russ.).

49. Sheveleva S. V., Baumshteyn A. B. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: uchebnik* [Criminal Enforcement Law: Textbook]. Kursk, 2019. 438 p. (In Russ.).

50. Shikhverdiev V. A. *Uklonenie ot otbyvaniya nakazaniya: problemy optimizatsii ugolovno-pravovykh sredstv reagirovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Evasion of Serving a Sentence: Problems of Optimization of Criminal-Legal Means of Response: Cand. jurid. sci. diss.]. Kursk, 2017. 230 p. (In Russ.).

51. Yavich L. S. *Pravo razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva. Sushhnost' i printsipy* [Law of a Developed Socialist Society. Essence and Principles]. Moscow, 1978. 224 p. (In Russ.).

52. Belianin A. Punishment without Crime: a Tale of Cooperation and Competition in Public Goods Games. Available at: <https://www.hse.ru/data/2013/07/23/1288619128/3%20draft.pdf>. (In Eng.).

53. Crewe B. Depth, Weight, Tightness: Revisiting the Pains of Imprisonment. *Punishment & Society*. 2011. Vol. 13. Issue 5. Pp. 509–529. (In Eng.).

54. Weekers D., Petrossian G., Thiault L. Illegal Fishing and Compliance Management in Marine Protected Areas: a Situational Approach. *Crime Science*. 2021. Vol. 10. Article 9. 14 p. (In Eng.).

55. Mears D. The Prison Experience. *Journal of Criminal Justice*. 2012. Vol. 40. Pp. 345–347. (In Eng.).

56. Pryce D. K., Chenane J. L. Trust and Confidence in Police Officers and the Institution of Policing: The Views of African Americans in the American South. *Crime & Delinquency*. 2021.

raboty-nekotorye-problemy-teorii-i-praktiki-primeneniya. (In Russ.).

7. Vittenberg G. B. *Razvitie osnovnykh printsiptov sovetskogo ugovnogo prava v novom Ugolovnom kodekse RSFSR* [The Development of the Basic Principles of Soviet Criminal Law in the New Criminal Code of the RSFSR]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. 1962. Issue 4. Pp. 89–90. (In Russ.).

8. Voplenko N. N., Rudkovskiy V. A. *Osnovnye printsipy prava: ponyatie i klassifikatsiya* [Basic Principles of Law: Concept and Classification]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudentsiya – Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence*. 2013. Issue 1. Pp. 5–11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsiipy-prava-ponyatie-i-klassifikatsiya>. (In Russ.).

9. Vyzhutovich V. *Pravosudie bez pogon* [Justice without Shoulder Straps]. *Rossiyskaya Gazeta – The Russian Gazette*. March 16, 2007. (In Russ.).

10. Grishko A. Ya., Grishko L. E. *Printsip patriotizma v ugovno-ispolnitel'nom prave* [The Principle of Patriotism in Criminal Enforcement Law]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. Issue 4 (48). Pp. 120–124. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-patriotizma-v-ugolovno-ispolnitelnom-prave>. (In Russ.).

11. Grushin F. V. *Obyazatel'nye raboty v rossiyskoy federatsii: faktory poyavleniya i nekotorye problemy* [Compulsory Community Service in the Russian Federation: Factors of Occurrence and Some Issues]. *Pravo i gosudarstvo – Law and State*. 2016. Issue 1 (70). Pp. 99–103. (In Russ.).

12. Dyunov V. K. *Mekhanizm ugovno-pravovogo vozdeystviya: teoreticheskie osnovy i praktika realizatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [The Mechanism of Criminal Legal Influence: Theoretical Foundations and Practice of Implementation: Dr. jurid. sci. diss.] Moscow, 2001. 456 p. (In Russ.).

13. Zvertaeva Yu. Yu., Shaposhnikov V. L. *Obespechenie neotvratimosti nakazaniya v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya* [Ensuring the Inevitability of Punishment in the Field of Road Safety]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal – Leningradskiy Juridical Journal*. 2018. Issue 3. Pp. 227–235. (In Russ.).

14. Kazak B. B., Likholat I. A. *Sovremennoe sostoyanie i problemy organizatsii ispolneniya nakazaniya v vide obyazatel'nykh rabot* [The Current State and Problems of the Organization of Execution of Punishment in the Form of Compulsory Community Service]. *Zakon i pravo – Law and Legislation*. 2015. Issue 1. Pp. 127–129. (In Russ.).

15. Karnova I. N. *Grazhdansko-pravovoe polozhenie osuzhdennykh k nakazaniyu v vide prinuditel'nykh rabot* [The Civil Status of Convicts Sentenced to Punishment in the Form of Forced Labor]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 2015. Issue 18. Available at: <http://teoriapratika.ru>. (In Russ.).

16. Kaufman M. A. *Uklonenie ot ispolneniya i otbyvaniya nakazaniya kak vid negativnogo post-kriminal'nogo povedeniya i ego ugovno-pravovoe znachenie* [Evasion of Execution and Service of Punishment as a Type of Negative Post-Criminal Behavior and Its Criminal-Legal Significance]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 2018. Issue 1. Pp. 53–60. (In Russ.).

17. Kelina S. G., Kudryavtsev V. N. *Printsiipy sovetskogo ugovnogo prava* [Principles of Soviet Criminal Law]. Moscow, 1988. 176 p. (In Russ.).

18. Kovalev M. V. *Instituty pooshchreniya osuzhdennykh v ugovnom i ugovno-ispolnitel'nom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [Institutions of Encouragement of Convicts in Criminal and Penal Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Kursk, 2020. 207 p. (In Russ.).

19. *Kommentariy k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateyny)* [Commentary on the Criminal Executive Code of the Russian Federation (Article-by-Article)]. A. V. Brilliantov, V. V. Geranin, L. P. Dubrovitskiy et al.; ed. by V. I. Seliverstov. Moscow, 2011. 448 p. (In Russ.).

20. Krasotkin P. N. *Primenenie mer vospitatel'nogo vozdeystviya k osuzhdennym, otbyvayushim nakazaniya v vide obyazatel'nykh rabot i ispravitel'nykh rabot: avtoref. ... dis. kand. yurid. nauk* [Application of Educational Influence Measures in Relation to Convicts Serving Sentences in the Form of Compulsory Community Service and Correctional Labor: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Ryazan, 2014. 26 p. (In Russ.).

21. Krasotkin P. N., Shakleina A. Yu. *Organizatsionnye i pravovye problemy ispolneniya nekotorykh nakazaniy i mer ugovno-pravovogo kharaktera, ne svyazannykh s lisheniem svobody* [Or-

Vol. 67. Issue 6–7. Pp. 808–838. Available at: <https://doi.org/10.1177/0011128721991823>. (In Eng.).

57. Picasso E., Cohen M. A. Valuing the Public's Demand for Crime Prevention Programs: a Discrete Choice Experiment. *Journal of Experimental Criminology*. 2019. Vol. 15. Issue 4. Pp. 529–550. (In Eng.).

58. Fehr E., Gächter S. Cooperation and Punishment in Public Goods Experiments. Available at: https://web.mit.edu/14.160/www/Coop_Pun-AER.pdf. <https://docviewer.yandex.ru/view/>. (In Eng.).

59. Simons L. G., Sutton T. E. The Long Arm of Parenting: How Parenting Styles Influence Crime and the Pathways That Explain This Effect. *Criminology*. 2021. Vol. 59. Issue 3. Pp. 520–544. (In Eng.).

60. McCall M., Kramer L. Forms of Punishment in the Criminal Justice System. February 25, 2019. Available at: <https://legalbeagle.com/8400916-forms-punishment-criminal-justice-system.html>. (In Eng.).

61. Ttofi M. M., McGee T. R., Piquero A. R., Farrington D. P. Mental Health and Crime. *Journal of Criminal Justice Special Issues*. 2019. Vol. 62. Pp. 1–100. (In Eng.). Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/crim.2021.59.issue-3/issuetoc>; <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12285>. (In Eng.).

62. Bosworth M., Franko K., Pickering S. Punishment, Globalization and Migration Control: 'Get Them the Hell out of Here'. *Punishment & Society*. 2018. Vol. 20. Issue 1. Pp. 34–53. (In Eng.).

63. Olver M. E., Stockdale K. C. Book Review: Review of CBT with Justice-Involved Clients: Interventions for Antisocial and Self-Destructive Behaviors. *Criminal Justice and Behavior*. 2021. Vol. 48. Issue 9. DOI: 10.1177/00938548211025063. (In Eng.).

64. Özaşçılar M., Narli N., Öztürk O. Crime Reporting Behavior among Syrian Immigrants in Istanbul. *Crime & Delinquency*. 2018. Vol. 65. Issue 14. Pp. 1997–2018. (In Eng.).

65. Haviv N., Weisburd D., Wolfowicz M. Do Religious Programs in Prison Work? A Quasi-Experimental Evaluation in the Israeli Prison Service. *Journal of Experimental Criminology*. 2020. Vol. 16. Issue 4. Pp. 505–533. (In Eng.).

66. Grimmelikhuijsen S., van den Bos K. Specifying the Information Effect: Reference Points

and Procedural Justifications Affect Legal Attitudes in Four Survey Experiments. *Journal of Experimental Criminology*. 2021. Vol. 17. Issue 2. Pp. 321–341. (In Eng.).

67. Henry T. K. S. The Black Effect: Reimagining Racial Threat through a Black Absolute Status Lens. *Crime & Delinquency*. 2021. Vol. 67. Issue 8. Pp. 1241–1264. (In Eng.).

68. Golash-Boza T. Crime and Neighborhood Change in the Nation's Capital: From Disinvestment to Gentrification. *Crime & Delinquency*. 2021. Vol. 67. Issue 9. Pp. 1267–1294. (In Eng.).

69. Palvanov I. Criminal Responsibilities Adolescents and Features of Punishment System. *Byulleten' nauki i praktiki – Bulletin of Science and Practice*. 2020. Vol. 6. Issue 3. Pp. 357–362. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/criminal-responsibilities-adolescents-and-features-of-punishment-system>. (In Eng.).

70. Kane S. The Advantages and Benefits of Public Service Work. Available at: <https://www.thebalancecareers.com/advantages-of-public-service-work-2164663>. (In Eng.).

71. Zubenko V. On the Question of the Relief of Minors from Punishment through Placement in Closed Fostering Institutions: Some Aspects of Juvenile Criminal Policy in Russia. *Law and Modern States*. 2013. Issue 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/on-the-question-of-the-relief-of-minors-from-punishment-through-placement-in-closed-fostering-institutions-some-aspects-of-juvenile-criminal>. (In Eng.).

References in Russian

1. Бакулина Л. В. Правовой статус осужденных к принудительным работам // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, № 6. С. 221–227.

2. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. и вступ. ст. М. М. Исаева. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 464 с.

3. Боровиков С. А. Обеспечение контроля при исполнении обязательных работ // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 2. С. 17–19.

4. Бриллиантов А. В., Курганов С. И. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 576 с.

5. Бутенко Т. П. Принципы уголовно-исполнительного права и уголовно-исполни-

ganizational and Legal Problems of the Execution of Certain Punishments and Measures of a Criminal-Legal Nature That Are Not Related to Deprivation of Liberty]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* – Bulletin of the Kuzbass Institute. 2019. Issue 3 (40). Pp. 46–56. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-i-pravovye-problemy-ispolneniya-nekotoryh-nakazaniy-i-mer-ugolovno-pravovogo-haraktera-ne-svyazannyh-s-lisheniem>. (In Russ.).

22. Lyadov E. V. *K voprosu ob ispolnenii nakazaniya v vide obyazatel'nykh rabot* [On the Execution of Punishment in the Form of Compulsory Community Service]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2007. Issue 3. Pp. 133–136. (In Russ.).

23. Malinin V. B., Smirnov L. B. *Kommentariy k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: nauchno-prakticheskiy kommentariy (postateyny)* [Commentary on the Criminal Executive Code of the Russian Federation: Scientific and Practical Commentary (Article-by-Article)]. Moscow, 2011. 384 p. (In Russ.).

24. Marlukhina E. O., Rozhdestvina A. A. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu № 35-FZ ot 26 fevralya 2006 goda "O protivodeystvii terrorizmu" (postateyny)* [Commentary on the Federal Law of February 26, 2006 No. 35-FZ 'On Countering Terrorism' (Article-by-Article)]. 2007. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'. (In Russ.).

25. Minyazeva T. F., Dobryakov D. A. *Ograniichenie svobody kak al'ternativa lisheniyu svobody* [Restriction of Liberty as an Alternative to Imprisonment]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* – Penal Law. 2017. Vol. 12. Issue 2. Pp. 170–174. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-svobody-kak-alternativa-lisheniyu-svobody>. (In Russ.).

26. Mirzorin M. L. *Aktual'nye problemy vvedeniya prinuditel'nykh rabot: teoretiko-pravovye i prakticheskie voprosy* [Current Problems of the Introduction of Forced Labor: Theoretical Legal and Practical Issues]. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki* – Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. 2016. Issue 1 (23). Pp. 56–58. (In Russ.).

27. Mikheev A. A. *Praktika primeneniya ugovnogo nakazaniya v vide soderzhaniya v distsiplinarnoy voinskoy chasti* [The Practice of Applying Criminal Punishment in the Form of Detention in a Disciplinary Military Unit]. *Molodoy uchenyy* –

Young Scientist. 2015. Issue 9 (89). Pp. 862–864. (In Russ.).

28. Natashev A. E. *Printsipy sovetского ispravitel'no-trudovogo prava* [Principles of the Soviet Correctional Labor Law]. Moscow, 1972. 40 p. (In Russ.).

29. Patlasov O. Yu., Begisheva K. A. *Sistema «Sotsial'nykh liftov» v reforme ugovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii* [The System of 'Social Elevators' in the Reform of the Penal System of Russia]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya 'Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* – Omsk Scientific Bulletin. Series 'Society. History. Modernity'. 2011. Issue 5 (101). Pp. 67–71. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialnykh-liftov-v-reforme-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-rossii>. (In Russ.).

30. Povetkina N. A. *Finansovaya ustoychivost' Rossiyskoy Federatsii. Pravovaya doktrina i praktika obespecheniya: monografiya* [Financial Stability of the Russian Federation. Legal Doctrine and Security Practice: Monograph]. Ed. by I. I. Kuchеров]. Moscow, 2016. 344 p. (In Russ.).

31. *Postateyny nauchno-prakticheskiy kommentariy k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu RF* [Article-by-Article Scientific and Practical Commentary on the Criminal Executive Code of the Russian Federation]. Ed. by A. Ya. Grishko, S. Ya. Lebedev. Moscow, 2005. 564 p. (In Russ.).

32. Rakhmatulin Z. R. *Sredstva obespecheniya rezhima ugovnogo nakazaniya v vide ograniicheniya svobody* [Means of Ensuring the Regime of Criminal Punishment in the Form of Restriction of Freedom]. *Sovremennoe pravo* – Modern Law. 2016. Issue 9. Pp. 120 – 124. (In Russ.).

33. Rogova E. V., Gaidai M. K. *Uslovnnoe osuzhdenie k ispravitel'nykh rabotam* [Conditional Sentence to Correctional Labor]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik* – Siberian Law Herald. 2012. Issue 1. Pp. 86–90. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/uslovnnoe-osuzhdenie-k-ispravitelnykh-rabotam>. (In Russ.).

34. Sabitov T. *Printsipy pooshchreniya v ugovnom prave* [Principles of Encouragement in Criminal Law]. *Ugolovnoe pravo* – Criminal Law. 2006. Issue 1. Pp. 54–57. (In Russ.).

35. Sabitov T. R. *Printsipy neotvratimosti nakazaniya i ego transformatsiya v ugovno-pravovoy nauke i zakonodatel'stve* [The Principle of the Inevitability of Punishment and Its Transformation in Criminal Legal Science and Legislation]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* – Actual

тельного законодательства // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 74. С. 63–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-ugolovno-ispolnitelnogo-prava-i-ugolovno-ispolnitelnogo-zakonodatelstva>.

6. Васильева Я. Ю. Обязательные работы: некоторые проблемы теории и практики применения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8–9. С. 189–192. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelnye-raboty-nekotorye-problemy-teorii-i-praktiki-primeneniya>.

7. Вуттенберг Г. Б. Развитие основных принципов советского уголовного права в новом Уголовном кодексе РСФСР // Правоведение. 1962. № 4.

8. Вопленко Н. Н., Рудковский В. А. Основные принципы права: понятие и классификация // LegalConcept. 2013. № 1. С. 5–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsiy-prava-ponyatie-i-klassifikatsiya>.

9. Выжutowич В. Правосудие без погон // Рос. газета. 2007. 16 марта.

10. Гришко А. Я., Гришко Л. Е. Принцип патриотизма в уголовно-исполнительном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 120–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-patriotizma-v-ugolovno-ispolnitelnom-prave>.

11. Грушин Ф. В. Обязательные работы в Российской Федерации: факторы появления и некоторые проблемы // Право и государство. 2016. № 1 (70). С. 99–103.

12. Дуонов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

13. Звертаева Ю. Ю., Шапошников В. Л. Обеспечение неотвратимости наказания в сфере безопасности дорожного движения // Ленингр. юрид. журнал. 2018. № 3. С. 227–235.

14. Казак Б. Б., Лихолат И. А. Современное состояние и проблемы организации исполнения наказания в виде обязательных работ // Закон и право. 2015. № 1. С. 127–129.

15. Карнова И. Н. Гражданско-правовое положение осужденных к наказанию в виде принудительных работ // Теория и практика

общественного развития. 2015. № 18. URL: <http://teoria-practica.ru>.

16. Кауфман М. А. Уклонение от исполнения и отбывания наказания как вид негативного посткриминального поведения и его уголовно-правовое значение // Уголовное право. 2018. № 1. С. 53–60.

17. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988. 176 с.

18. Ковалев М. В. Институты поощрения осужденных в уголовном и уголовно-исполнительном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2020. 207 с.

19. *Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный)* / А. В. Бриллиантов, В. В. Геранин, Л. П. Дубровицкий и др.; под ред. В. И. Селиверстова. М.: Проспект, 2011. 448 с.

20. Красоткин П. Н. Применение мер воспитательного воздействия к осужденным, отбывающим наказания в виде обязательных работ и исправительных работ: автореф.... дис. канд. юрид. наук. Рязань, 2014. 26 с.

21. Красоткин П. Н., Шаплеина А. Ю. Организационные и правовые проблемы исполнения некоторых наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы // Вестник Кузбасского института. 2019. № 3 (40). С. 46–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-i-pravovye-problemy-ispolneniya-nekotoryh-nakazaniy-i-mer-ugolovno-pravovogo-haraktera-ne-svyazannyh-s-lisheniem>.

22. Лядов Э. В. К вопросу об исполнении наказания в виде обязательных работ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 3.

23. Малинин В. Б., Смирнов Л. Б. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: науч.-практ. коммент. (постатейный). М.: КОНТРАКТ, ВолтерсКлувер, 2011. 384 с.

24. Марлухина Е. О., Рождествина А. А. Комментарий к Федеральному закону № 35-ФЗ от 26 февраля 2006 года «О противодействии терроризму» (постатейный) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. Миняева Т. Ф., Добряков Д. А. Ограничение свободы как альтернатива лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 2. С. 170–174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-svobody-kak-alternativa-lisheniyu-svobody>.

Problems of Russian Law. 2010. Issue 3 (16). Pp. 261–269. (In Russ.).

36. Sizaya E. A. *Doktrinal'nye printsipy ugovno-ispolnitel'nogo prava* [Doctrinal Principles of Penal Law]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* – Man: Crime and Punishment. 2008. Issue 4. Pp. 43–45. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrinalnye-printsipy-ugolovno-ispolnitelnogo-prava>. (In Russ.).

37. Smirnov S. N. *Printsip ratsional'nogo primeneniya mer prinuzhdeniya, sredstv ispravleniya osuzhdennykh i stimulirovaniya ikh pravoposlushnogo povedeniya pri ispolnenii nakazaniya v vide lisheniya svobody: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The Principle of Rational Use of Coercive Measures, Means of Correcting Convicts and Stimulating Their Law-Abiding Behavior in the Execution of a Sentence of Deprivation of Liberty: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Ryazan, 2003. 23 p. (In Russ.).

38. Speranskiy I. A. *Soderzhanie i realizatsiya printsipov ispravitel'no-trudovogo prava. Uchebnoe posobie* [The Content and Implementation of the Principles of Correctional Labor Law: Study Guide]. Volgograd, 1969. 71 p. (In Russ.).

39. Stepashin V. M. *Osobennosti naznacheniya spetsial'nykh nakazaniy voennosluzhashchim* [Features of Assigning Special Punishments to Military Personnel]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* – Herald of Omsk University. Series 'Law'. 2011. Issue 1 (26). Pp. 170–175. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-naznacheniya-spetsialnyh-nakazaniy-voennosluzhaschim>. (In Russ.).

40. Stepashin V. M. *Problemy primeneniya prinuditel'nykh rabot* [Problems of the Use of Forced Labor]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* – Herald of Omsk University. Series 'Law'. 2015. Issue 4 (45). Pp. 156–161. (In Russ.).

41. Surin V. V. *Osobennosti ispolneniya i otbyvaniya nakazaniya v vide soderzhaniya v distsiplinarnoy voinskoy chasti* [Features of Execution and Serving of Punishment in the Form of Detention in a Disciplinary Military Unit]. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii* – Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia. 2020. Issue 4 (39). Pp. 93–101. (In Russ.).

42. Titlyanov F. V. *Problemy realizatsii nakazaniya v vide soderzhaniya v distsiplinarnoy voinskoy chasti* [Problems of Implementing Punishment in the Form of Detention in a Disciplinary

Military Unit]. *Modern Science*. 2020. Issue 9-1. Pp. 168–171. (In Russ.).

43. *Ugolovnyy protsess. Uchebnik* [Criminal Proceedings: Textbook]. V. K. Bobrov, V. P. Bozh'ev, S. V. Borodin, A. A. Koblikov et al.; ed. by V. P. Bozh'ev. Moscow, 1998. 591 p. (In Russ.).

44. Utkin V. A. *O yuridicheskom soderzhanii ugovnogo nakazaniya v vide ogranicheniya svobody* [On the Legal Content of Criminal Punishment in the Form of Restriction of Freedom]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Tomsk State University Journal. 2006. Issue 292. Pp. 44–48. (In Russ.).

45. Khmelevskaya T. A. *Elementy progressivnoy sistemy nakazaniy v ugovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve RF* [Elements of the Progressive System of Punishments in Penal Legislation of the Russian Federation]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii im. O. E. Kutafina (MGYuA)* – Scientific Works of Orenburg Institute (Branch) of MSLA. 2013. Issue 18. Pp. 147–154. (In Russ.).

46. Tsurikov V. I. *Optimalen li printsip neotvratimosti nakazaniya za prestuplenie? (ekonomicheskii podkhod k prestupleniyam i nakazaniyam)* [Is the Principle of Inevitability of Punishment for a Crime Optimal? (Economic Approach to Crimes and Punishments)]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* – Economics of Contemporary Russia. 2007. Issue 2 (37). Pp. 73–81. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimalen-li-printsip-neotvratimosti-nakazaniya-za-prestuplenie-ekonomicheskii-podhod-k-prestupleniyam-i-nakazaniyam>. (In Russ.).

47. Sheveleva S. V. *Osnovy ugovno-ispolnitel'nogo prava: uchebnoe posobie* [Fundamentals of Penal Law: Textbook]. Kursk, 2012. 433 p. (In Russ.).

48. Sheveleva S. V. *Problemy ispolneniya shtrafa kak vida ugovnogo nakazaniya* [Issues of a Fine Execution as a Type of Criminal Punishment]. *Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika. Sbornik materialov VII-oy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Criminal Policy and Law Enforcement Practice. Collection of Proceedings of VII International Scientific and Practical Conference]. 2019. Pp. 520–524. (In Russ.).

49. Sheveleva S. V., Baumshteyn A. B. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: uchebnik* [Criminal Enforcement Law: Textbook]. Kursk, 2019. 438 p. (In Russ.).

[leninka.ru/article/n/ogranichenie-svobody-kak-alternativa-lisheniyu-svobody](https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-svobody-kak-alternativa-lisheniyu-svobody).

26. Мирзопин М. Л. Актуальные проблемы введения принудительных работ: теоретико-правовые и практические вопросы // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2016. № 1 (23). С. 56–58.

27. Мухеев А. А. Практика применения уголовного наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части // Молодой ученый. 2015. № 9. С. 862–864.

28. Натанов А. Е. Принципы советского исправительно-трудового права. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1972. 40 с.

29. Патласов О. Ю., Бегинцева К. А. Система «социальных лифтов» в реформе уголовно-исполнительной системы России // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2011. № 5 (101). С. 67–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialnyh-liftoy-v-reforme-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-rossii>.

30. Поветкина Н. А. Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения: монография / под ред. И. И. Кучерова. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2016. 344 с.

31. Постатейный научно-практический комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ / под общ. ред. А. Я. Гришко; науч. ред. С. Я. Лебедев. М.: Илекса, 2005. 564 с.

32. Рахматулин З. Р. Средства обеспечения режима уголовного наказания в виде ограничения свободы // Современное право. 2016. № 9. С. 120–124.

33. Рогова Е. В., Гайдай М. К. Условное осуждение к исправительным работам // Сибирский юридический вестник. 2012. № 1. С. 86–90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uslovnoe-osuzhdenie-k-ispravitelnyim-rabotam>.

34. Сабитов Т. Принципы поощрения в уголовном праве // Уголовное право. 2006. № 1. С. 54–57.

35. Сабитов Т. Р. Принцип неотвратимости наказания и его трансформация в уголовно-правовой науке и законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3 (16). С. 261–269.

36. Сизая Е. А. Доктринальные принципы уголовно-исполнительного права // Человек: преступление и наказание. 2008. № 4. С. 43–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrinalnye-printsipy-ugolovno-ispolnitel'nogo-prava>.

[article/n/doktrinalnye-printsipy-ugolovno-ispolnitelnogo-prava](https://cyberleninka.ru/article/n/doktrinalnye-printsipy-ugolovno-ispolnitelnogo-prava).

37. Смирнов С. Н. Принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения при исполнении наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. 23 с.

38. Сперанский И. А. Содержание и реализация принципов исправительно-трудового права: учеб. пособие. Волгоград: НИИРЮ ВСШ МВД СССР, 1969. 71 с.

39. Степанов В. М. Особенности назначения специальных наказаний военнослужащим // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». 2011. № 1. С. 170–175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-naznacheniya-spetsialnyh-nakazaniy-voennosluzhaschim>.

40. Степанов В. М. Проблемы применения принудительных работ // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45). С. 156–161.

41. Сурин В. В. Особенности исполнения и отбывания наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 4 (39). С. 93–101.

42. Титлянов Ф. В. Проблемы реализации наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части // Modern Science. 2020. № 9-1. С. 168–171.

43. Уголовный процесс: учебник / В. К. Бобров, В. П. Божьев, С. В. Бородин, А. А. Кобликов и др.; под ред. В. П. Божьева М.: Спарк, 1998. 591 с.

44. Уткин В. А. О юридическом содержании уголовного наказания в виде ограничения свободы // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 292. С. 44–48.

45. Хмелевская Т. А. Элементы прогрессивной системы наказаний в уголовно-исполнительном законодательстве РФ // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2013. № 18. С. 147–154.

46. Цуриков В. И. Оптимально ли принцип неотвратимости наказания за преступление? (экономический подход к преступлениям и наказаниям) // Экономическая наука современной России. 2007. № 2. С. 73–81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimalen-li-printsip-neotvratimosti-nakazaniya-za-prestuplenie>.

50. Shikhverdiev V. A. *Uklonenie ot otbyvaniya nakazaniya: problemy optimizatsii ugovno-pravovykh sredstv reagirovaniya: dis. ... kand. jurid. nauk* [Evasion of Serving a Sentence: Problems of Optimization of Criminal-Legal Means of Response: Cand. jurid. sci. diss.]. Kursk, 2017. 230 p. (In Russ.).

51. Yavich L. S. *Pravo razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva. Sushhnost' i printsipy* [Law of a Developed Socialist Society. Essence and Principles]. Moscow, 1978. 224 p. (In Russ.).

52. Belianin A. Punishment without Crime: a Tale of Cooperation and Competition in Public Goods Games. Available at: <https://www.hse.ru/data/2013/07/23/1288619128/3%20draft.pdf>. (In Eng.).

53. Crewe B. Depth, Weight, Tightness: Revisiting the Pains of Imprisonment. *Punishment & Society*. 2011. Vol. 13. Issue 5. Pp. 509–529. (In Eng.).

54. Weekers D., Petrossian G., Thiault L. Illegal Fishing and Compliance Management in Marine Protected Areas: a Situational Approach. *Crime Science*. 2021. Vol. 10. Article 9. 14 p. (In Eng.).

55. Mears D. The Prison Experience. *Journal of Criminal Justice*. 2012. Vol. 40. Pp. 345–347. (In Eng.).

56. Pryce D. K., Chenane J. L. Trust and Confidence in Police Officers and the Institution of Policing: The Views of African Americans in the American South. *Crime & Delinquency*. 2021. Vol. 67. Issue 6–7. Pp. 808–838. Available at: <https://doi.org/10.1177/0011128721991823>. (In Eng.).

57. Picasso E., Cohen M. A. Valuing the Public's Demand for Crime Prevention Programs: a Discrete Choice Experiment. *Journal of Experimental Criminology*. 2019. Vol. 15. Issue 4. Pp. 529–550. (In Eng.).

58. Fehr E., Gächter S. Cooperation and Punishment in Public Goods Experiments. Available at: https://web.mit.edu/14.160/www/Coop_PunAER.pdf. <https://docviewer.yandex.ru/view/>. (In Eng.).

59. Simons L. G., Sutton T. E. The Long Arm of Parenting: How Parenting Styles Influence Crime and the Pathways That Explain This Effect. *Criminology*. 2021. Vol. 59. Issue 3. Pp. 520–544. (In Eng.).

60. McCall M., Kramer L. Forms of Punishment in the Criminal Justice System. February 25,

2019. Available at: <https://legalbeagle.com/8400916-forms-punishment-criminal-justice-system.html>. (In Eng.).

61. Ttofi M. M., McGee T. R., Piquero A. R., Farrington D. P. Mental Health and Crime. *Journal of Criminal Justice Special Issues*. 2019. Vol. 62. Pp. 1–100. (In Eng.). Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/crim.2021.59.issue-3/issuetoc>; <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12285>. (In Eng.).

62. Bosworth M., Franko K., Pickering S. Punishment, Globalization and Migration Control: 'Get Them the Hell out of Here'. *Punishment & Society*. 2018. Vol. 20. Issue 1. Pp. 34–53. (In Eng.).

63. Olver M. E., Stockdale K. C. Book Review: Review of CBT with Justice-Involved Clients: Interventions for Antisocial and Self-Destructive Behaviors. *Criminal Justice and Behavior*. 2021. Vol. 48. Issue 9. DOI: 10.1177/00938548211025063. (In Eng.).

64. Özaşçılar M., Narlı N., Öztürk O. Crime Reporting Behavior among Syrian Immigrants in Istanbul. *Crime & Delinquency*. 2018. Vol. 65. Issue 14. Pp. 1997–2018. (In Eng.).

65. Haviv N., Weisburd D., Wolfowicz M. Do Religious Programs in Prison Work? A Quasi-Experimental Evaluation in the Israeli Prison Service. *Journal of Experimental Criminology*. 2020. Vol. 16. Issue 4. Pp. 505–533. (In Eng.).

66. Grimmelikhuijsen S., van den Bos K. Specifying the Information Effect: Reference Points and Procedural Justifications Affect Legal Attitudes in Four Survey Experiments. *Journal of Experimental Criminology*. 2021. Vol. 17. Issue 2. Pp. 321–341. (In Eng.).

67. Henry T. K. S. The Black Effect: Reimagining Racial Threat through a Black Absolute Status Lens. *Crime & Delinquency*. 2021. Vol. 67. Issue 8. Pp. 1241–1264. (In Eng.).

68. Golash-Boza T. Crime and Neighborhood Change in the Nation's Capital: From Disinvestment to Gentrification. *Crime & Delinquency*. 2021. Vol. 67. Issue 9. Pp. 1267–1294. (In Eng.).

69. Palvanov I. Criminal Responsibilities Adolescents and Features of Punishment System. *Byulleten' nauki i praktiki* – Bulletin of Science and Practice. 2020. Vol. 6. Issue 3. Pp. 357–362. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/criminal-responsibilities-adolescents-and-features-of-punishment-system>. (In Eng.).

<https://cyberleninka.ru/article/n/optimalen-li-printsip-neotvratimosti-nakazaniya-za-prestuplenie-ekonomicheskij-podhod-k-prestupleniyam-i-nakazaniyam>.

47. Шевелева С. В. Основы уголовного исполнительного права: учеб. пособие / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2012. 433 с.

48. Шевелева С. В. Проблемы исполнения штрафа как вида уголовного наказания // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 520–524.

49. Шевелева С. В., Баумштейн А. Б. Уголовно-исполнительное право: учебник / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. 438 с.

50. Шихвердиев В. А. Уклонение от отбывания наказания: проблемы оптимизации уголовно-правовых средств реагирования: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2017. 230 с.

51. Явич Л. С. Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. М.: Юрид. лит., 1978. 224 с.

52. Belianin A. Punishment without crime: a tale of cooperation and competition in public goods games. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/07/23/1288619128/3%20draft.pdf>.

53. Crewe B. Depth, weight, tightness: Revisiting the pains of imprisonment // *Punishment & Society*. Dec. 2011. Vol. 13, № 5. С. 509–529.

54. Weekers D., Petrossian G., Thiault L. Illegal fishing and compliance management in marine protected areas: a situational approach // *Crime Science*. May 2021. Vol. 10. Article 9. 14 с.

55. Mears D. The Prison Experience // *Journal of Criminal Justice Special Issues*. September 2012. Vol. 40.

56. Pryce D. K., Chenane J. L. Trust and Confidence in Police Officers and the Institution of Policing: The Views of African Americans in the American South // *Crime & Delinquency* July 2021. Vol. 67, Issue 6–7. Pp. 808–838. URL: <https://doi.org/10.1177/0011128721991823>.

57. Picasso E., Cohen M. A. Valuing the public's demand for crime prevention programs: a discrete choice experiment // *Journal of Experimental Criminology*. December 2019. Vol. 15, Issue 4. Pp. 529–550.

58. Fehr E., Gächter S. Cooperation and Punishment in Public Goods Experiments URL: https://web.mit.edu/14.160/www/Coop_PunAER.pdf.

59. Simons L. G., Sutton T. E. The long arm of parenting: How parenting styles influence crime

and the pathways that explain this effect // *Criminology*. June 2021. Vol. 59. Issue 3. Pp. 520–544.

60. McCall M., Kramer L. Forms of Punishment in the Criminal Justice System // 2019. February 25, URL: <https://legalbeagle.com/8400916-forms-punishment-criminal-justice-system.html>.

61. Ttofi M. M., McGee T. R., Piquero A. R., Farrington D. P. and al. Mental Health and Crime // *Journal of Criminal Justice Special Issues*. May 2019. Vol. 62. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/crim.2021.59.issue-3/issuetoc>; <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12285>.

62. Bosworth M., Franko K., Pickering S. Punishment, globalization and migration control: 'Get them the hell out of here' // *Punishment & Society*. Jan. 2018. Vol. 20.

63. Olver M. E., Stockdale K. C. Book Review: Review of CBT with Justice-Involved Clients: Interventions for Antisocial and Self... // *Criminal Justice and Behavior*. Jun 2021. <https://doi.org/10.1177/00938548211025063>.

64. Özaşçılar M., Narlı N., Öztürk O. Crime Reporting Behavior Among Syrian Immigrants in Istanbul // *Crime & Delinquency*. December 2019. Issue 14. Pp. 1997–2018.

65. Haviv N., Weisburd D., Wolfowicz M. Do religious programs in prison work? A quasi-experimental evaluation in the Israeli prison service // December 2020. Vol. 16, Issue 4. Pp. 505–533.

66. Grimmelikhuijsen S., van den Bos K. Specifying the information effect: reference points and procedural justifications affect legal attitudes in four survey experiments // *Journal of Experimental Criminology*. June 2021. Vol. 17, Issue 2. Pp. 321–341.

67. Henry K. T. S. The Black Effect: Reimagining Racial Threat Through a Black Absolute Status Lens // *Crime & Delinquency*. Jul 2021. Vol. 67, Issue 8. С. 1241–1264.

68. Golash-Boza T. Crime and Neighborhood Change in the Nation's Capital: From Disinvestment to Gentrification // *Crime & Delinquency*. August 2021. Vol. 67, Issue 9. Pp. 1267–1294.

69. Palvanov I. Criminal Responsibilities adolescents and Features of punishment system // Бюллетень науки и практики. 2020. Vol. 6, № 3. С. 357–362. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/criminal-responsibilities-adolescents-and-features-of-punishment-system>.

70. Kane S. The Advantages and Benefits of Public Service Work. Available at: <https://www.thebalancecareers.com/advantages-of-public-service-work-2164663>. (In Eng.).

71. Zubenko V. On the Question of the Relief of Minors from Punishment through Placement in Closed Fostering Institutions: Some Aspects of

Информация об авторах:

С. В. Шевелева, доктор юридических наук, профессор
декан юридического факультета
Юго-Западный государственный университет
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
ORCID: 0000-0002-8358-8924
ResearcherID: AAC-6622-2019
Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).205-215
DOI: 10.15688/JVOLSU2.2015.2.6
DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2015/B21/S5.066

В. А. Можайкина, аспирант кафедры уголовного права
Юго-Западный государственный университет
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
ORCID: 0000-0001-5636-2746

Juvenile Criminal Policy in Russia. Law and Modern States. 2013. Issue 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/on-the-question-of-the-relief-of-minors-from-punishment-through-placement-in-closed-fostering-institutions-some-aspects-of-juvenile-criminal>. (In Eng.).

About the authors:

S. V. Sheveleva
Southwest State University
94, 50 Let Oktyabrya st., Kursk, 305040, Russia
ORCID: 0000-0002-8358-8924
ResearcherID: AAC-6622-2019
Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).205-215
DOI: 10.15688/JVOLSU2.2015.2.6
DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2015/B21/S5.066

V. A. Mozhaikina
Southwest State University
94, 50 Let Oktyabrya st., Kursk, 305040, Russia
ORCID: 0000-0001-5636-2746

70. Kane S. The Advantages and Benefits of Public Service Work. URL: <https://www.thebalancecareers.com/advantages-of-public-service-work-2164663>.

71. Zubenko V. On the question of the relief of minors from punishment through placement in closed fostering institutions: some aspects of

About the authors:

S. V. Sheveleva
Southwest State University
94, 50 Let Oktyabrya st., Kursk, 305040, Russia
ORCID: 0000-0002-8358-8924
ResearcherID: AAC-6622-2019
Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).205-215
DOI: 10.15688/JVOLSU2.2015.2.6
DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2015/B21/S5.066

V. A. Mozhaikina
Southwest State University
94, 50 Let Oktyabrya st., Kursk, 305040, Russia
ORCID: 0000-0001-5636-2746

juvenile criminal policy in Russia // Law and modern states. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/on-the-question-of-the-relief-of-minors-from-punishment-through-placement-in-closed-fostering-institutions-some-aspects-of-juvenile-criminal>.

Информация об авторах:

С. В. Шевелева, доктор юридических наук, профессор
декан юридического факультета
Юго-Западный государственный университет
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
ORCID: 0000-0002-8358-8924
ResearcherID: AAC-6622-2019
Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).205-215
DOI: 10.15688/JVOLSU2.2015.2.6
DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2015/B21/S5.066

В. А. Можайкина, аспирант кафедры уголовного права
Юго-Западный государственный университет
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
ORCID : 0000-0001-5636-2746